

op 10.-75
596

P

94 л

Книжка 1-я - 10 л.
Книжка 2-я

2-я 7 л.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА,

СОЧИНЕННОЕ

на

Аглинскомъ языкѣ

МИССЪ СОФІЕЮ ЛЕЕЮ,

съ Аглинскаго по двѣнадцатому
изданію переложено на Фран-
цузской,

а съ Французскаго на Рос-
сійской.

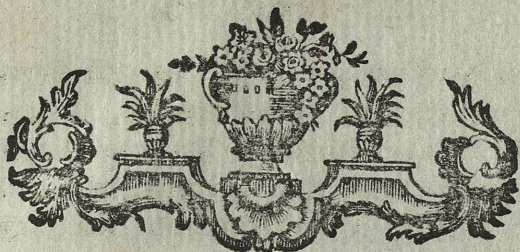
ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Москва,
въ Типографіи А. Рѣшетникова
1794.

П Е Ч А Т А Н О
съ Указнаго дозволенія.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА.
ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Я возбуждена была ошѣ мгновенной смерти звукомъ страшнаго голоса и споль ужаснымъ, что легчебѣ было мнѣ оспаться въ смертоносномъ упокоеніи вѣчно. Сей звукъ произвелъ Вильямъ; ошѣ чего смушилась душа моя! Какій звѣрскій образъ предсталъ предѣ мои глаза, кои едва я ошкрышь осмѣлилась! Трепеща обратилась оспри-вашья вокругъ себя; увидѣла, что я внесена въ проспиранный подземный покой. Сіе мѣсто въ старину посвя-

Томъ II. А цено

щено было непорочности; но сдѣлалось попомъ вершепъ разбойникамъ, а можешъ быть убійцамъ. Великое число ихъ шамъ обижало, и казалось, что всѣ были послушны повелѣніямъ главнаго ихъ начальника по первому его знаку. Вильямъ взиралъ съ великимъ веселіемъ на двухъ несчастливцевъ, кои яко жертва посланы ему на опмѣненіе. Я уже почишала себя погибшею безъ извѣстія; шожъ и Лейсесперъ обезоруженъ стоялъ подлѣ меня, однакожъ съ великою неуспрашимостію напрягая свой лукъ въ молчаніи. Увидѣла же припомъ всякіе припасы, кои мнѣ до того были не извѣсны. Видѣла мучительныя и смертоносныя орудія. Всесильный Боже, мыслила я въ себѣ, спаси мя отъ мученія, еспли не определена пагубная смерть.

Видишь ты, говоритъ мнѣ сей злодѣй, какъ счастье обращаетъ свое колесо. Лордъ Лейсесперъ! видишь ты, что и мой насталъ часъ. Какъ ты осмѣлился угнѣшать человека, копорый ничего не имѣешъ кромѣ своей
храб-

храбрости? Ни ты, ни Сиръ Францискъ, ни сама Елисавета не въ состоянїи удержашь того, кошорый преплывъ Океанъ, достигъ своей вольности. Знай, промолвилъ еще съ усмѣшкою, я севодни же докажу тебѣ по справедливости свою благодарность.

Лордъ Лейсестеръ отвѣчалъ ему со взоромъ гордымъ и споль презрительнымъ, что возбудилъ шѣмъ въ мерзкой его фигурѣ паче ярость. А ты красота, говорилъ обращаясь, ко мнѣ, ты пришла къшатѣ, и посѣщеніе швое мнѣ прїяшно. Вотъ шеперь гдѣ швои надежные слуги, кои слѣдовали всегда за тобой полною. Смотри нынѣ, что мы наслѣдовали швое святое жилище, и святыя швои пустынники въ немъ учасшїя не имѣють. Чего ради не спросишь и о швоемъ? я бы сказалъ о немъ изрядную повѣсть. О злодѣй! вскричалъ Лейсестеръ, конечно ты убилъ сего бѣднаго спарца? Я искалъ и тебя; но ты меня сего шруда избавилъ. Сама судьба доставила тебя въ мои руки.

Божіе мщеніе , какъ думаешь , говорю я , идешь тихими стопами , но оно приводитъ злодѣя къ своей цѣли. Мершви злодѣй , когда хочешь ; я готовъ умереть отъ твоихъ рукъ.

Если бы я не была , говоритъ онъ мнѣ , прекрасна , кою я обожаю , и кою я весьма радъ видѣшь здѣсь ; и хотя ты жена сего властолюбиваго человѣка , однакожь скоро научу , какъ и мнѣ повиноваться.

Мерзкія его намѣренія казались въ глазахъ его. Моя сила во второй разъ вся исчезала , и сердце такъ охладѣло , что я сдѣлалась аки окаменѣнна. Услышала я прерываемый голосъ моего мужа , которъй отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ. И такъ я пребыла долгое время въ такомъ состояніи.

Вдругъ почувствовала близъ меня томный голосъ и глубокой вздохъ. О Лейсестеръ ! выговорила я тихо , о мой любезной ! эшо ты ? Милосердное небо ! вскричалъ онъ , о любезная Машильда !

ТЫ

ты еще дышешъ? О ты неощенное сокровище души моей! Увы! долговременная слабость, каковую навелъ шебъ сей злодѣй. . . . а я чаялъ, скончалась съ швоимъ существованіемъ. Былъ въ опчаянїи, мнилъ, что уже ты умерщвлена! Какой способъ насъ отъ шго избавитъ? Но не думай же и ты, чтобъ я пужался шебъ слѣдовать. По крайней мѣрѣ не премину въ шу же минушу разбишь шебъ голову о сей камень. Я шѣмъ сокращу мою жизнь для шго, что не могъ я спасти швою.

Призови въ помощь швое благоразуміе, ему говорю я, швой разсудокъ, швой законъ (самое Небо влагаетъ мнѣ сію мысль въ сей часъ) какъ ты смѣешь винить Божество въ неправосудїи? . . . Возложимъ нашу надежду на него. Не попустишь оно, чтобы сїи мною неопороченныя шѣны содѣлались нашей гробницей, будучи моей колыбелю. Самыя сїи шѣны, кои пеклись въ моемъ дѣшшвѣ, предстанутъ намъ помочь. Увы! воскликнулъ онъ

сб тяжкимъ воздыханіемъ и опчаяніемъ. Сія надежда естъ химирическая. Злополучный часъ къ намъ приближается; ничто насъ спасти не можеть. Припомни шо благополучное время, въ которое и тогда ты не полагалась на сего чудовища. Но чего же мы ожидашь можемъ нынѣ? Подлосшь, мщеніе скрывающся въ душѣ его со всякимъ безчеловѣчіемъ. О! могуль я забыть, какъ онъ свѣдомъ о семъ жилищѣ подземельномъ? и какъ онъ зналъ, что мы можемъ въ него войши съ побою?

Лейсесперъ сказалъ мнѣ, что въ короткое время моего безпамятства разбойники услышали великій шумъ около шѣхъ дверей, въ кои мы введены были. Сіе значило, что они достали еще какую либо добычу себѣ въ жертву. Вся ихъ шайка сбѣжалась, изключая чешырехъ, которые перевезавъ насъ, бросили въ одинъ уголь темной, да и шѣ шоропились бѣжать къ своимъ товарищамъ; а меня, видѣвши едва живаго, связали очень слабо. По

все-

всему видно было, что сїи злодѣи пишались однимъ разбоемъ, да припомъ Лейсесперъ понималъ по нѣкоторымъ инструменшамъ, что они дѣлали подложныя деньги.

Теперь что намъ дѣлать? О мой любезный Лейсесперъ! вскричала я: надобно рѣчишься. Я шрепещу безчестнаго поступка паче, нежели самой смерти. Ешьли швой духъ соединенъ со мною, напряги свою смѣлосшь спаси жену швою отъ беззаконїя. Мысль шакова весьма меня оскорбляетъ, вскричалъ онъ. Ешьли бы руки мои были свободны, можешъ бышь. . . . опчаянїе мое даровалобъ мнѣ силу. Я чувшвовала, что связана слабо; силлась развязашься и къ счасшїю развязалась. Въ шемношѣ искала Лейсестера, шо руками, шо зубами его развязала.

Первое рукъ его дѣйшвованїе было, что схвашя меня, прижалъ къ своему сердцу.

Вспомни жребїй, кошорый меня ждешъ, выговорила ему съ рыданїемъ. О чувшва жалосши! мы уже въ пред-

дверѣи смерти. Нѣпѣ. . . . я не могу, говорилъ онѣ вздыхая! Сія рука гошова кѣ защищенію швоему не попустишѣ вооруишѣ на швою жизнь. Нѣпѣ, не обезоружу сего лица ангельскаго, кошорое сосшавило мое благополучіе, и шого младенца, коего пы носишѣ вѣ своихъ нѣдрахѣ; для его мы всѣмѣ жершвовали, всего мѣшились Машильда; но пы хочешѣ, чтошѣ я все погубилѣ. Ахѣ! ешѣли бы сїи злодѣи осшавили мнѣ хотя одно орудіе смертношное; шогда бы пы могла ожидашѣ послѣдней услуги? Подойди, не размышляй больше, и умершви меня, доколѣ намѣ темношя благопрїяшвуешѣ. Жена швоя просишѣ испышашѣ шѣмѣ швою любовь. Не услышишѣ никакого ешenanїя, а единшвенно желаю снпши непорочно вѣ землю, ошкуда взяша я?

О неподобная жена! вскричалѣ Лордѣ, обливѣ лице мое слезами, нѣпѣ! нѣпѣ! никогда я не могу имѣшѣ шаккой силы. . . . Душа моя слаба ешѣ

вооружись на младенца. Таковая неслыханная дерзость подавляет мой духъ.

Въ сію минушу услышали мы преужасный громъ, который раззорилъ все зданіе до основанія. Блистаніе молній сквозь разсѣдины нашей шемницы, посредствомъ коей хотя прерывно, однакожъ могла я видѣшь въ лицо Лейсестера; его блѣдность еще усугубила мою шоску. Старалась же я воспользоваться тѣмъ блескомъ и узнать мѣсто заключенія нашего. Вдругъ вскричала необыкновенно; ухватя его руки, жала сильно и не могла молвить слова, и почти съ шрудомъ дышала, казавшись, аки нашествіе незапно меня объяло. . . . Что это, моя любезная, вскричалъ и онъ? Что съ тобой случилось? Что говоришь хочешь? . . . Ты забылъ, я ему сказала: я вижу, что ешь проходъ во игуменство, и что онъ запертъ по смерти Миспирисъ Меллы? . . . Я знаю шеперь, гдѣ мы! Мы можемъ найши изъ сей шюрмы въ углу шропинку. Сей ешь одинъ про-

10 Подземелье,

проходѣ; еспьли ты имѣешь столько силѣ очистишь сей помещѣ.

Мы начали пошчасѣ обыскивать ту спезю. Нашли попомѣ замешанною всякимѣ дрязгомѣ и припасами разбойническими: чистили его; а когда мы сошли, по запушали сходѣ пою же веревкою, коею мы были связаны, и въ великой радости добрались до прѣжняго нашего жилища.

Сей бѣды свободясь, начали помышлять о будущей; кого мы увидимѣ во игуменствѣ? Ибо сѣ знаменитое зданіе конечно принадлежало какой либо знатной особѣ. Вопще мы спарались узнать о семѣ; наконецѣ утвердились въ томѣ, что обипающимѣ тамѣ будетѣ прѣянно принять людей, кои избавились такой бѣды, копорая и для нихѣ въ шакой близости весьма опасна. Мы дошолѣ пробирались ошупью сего прохода, доколѣ увидѣли блескѣ сквозь скважину ошливающейся ошѣ спашуй въ саду; ибо послѣ шучи сдѣлалось весьма чисто, да и мѣсяцѣ свѣшилѣ. Милордѣ несѣ въ рукахѣ великій рочагѣ,

чагъ, который онъ по счастію нашель въ подземельѣ, только у него и орудія было.

Мы пришли къ анбару Игуменства, который отсюду былъ запертъ. И подлинно его никогда не отпирали отъ той поры, какъ насъ проводила старожиха съ Жамесомъ, когда мы изъ Викеншя ушли жить въ подземелье. Лейсесперъ посредствомъ рочага предупялъ сбишь замокъ, коимъ былъ запертъ входъ въ кабинетъ. И хопя великій спукъ наводилъ онъ своими ударами, и далеко бы можно было слышать, что ломають дверь, но никто того не слыхалъ; ибо магазинъ споялъ вдали отъ замка. По довольныхъ часахъ времени мы проломали двери и взошли на дворъ.

Весьма я довольна была сею ночью, которая мнѣ благопріятствовала сіяніемъ звѣздъ! Смотрила въ окна, гдѣ жила Мисприсъ Мелло и мы. О! вшорая моя мать! обливаю себя въ сію минушу слезами.

По

По семъ взошли мы въ переднюю, опасаясь того, чшобъ не впасшь въ руки другихъ злодѣевъ паче первыхъ, и предосерегаяся, чшобъ не сдѣлать прѣвоги по причинѣ незапнаго нашего входа, я едва могла переступашь да къ помужь въ передней комнатѣ была шемноша. Входя во вторую, услышала голосъ человѣческой во ужасѣ вѣщающъ: О! бери, бери все, что тебѣ угодно; но сжался, не опѣими мою жизнь! на силу могла я вслушашься въ сїи слова. Какъ Милордъ вступилъ въ первую, шощасъ входилъ во вторую, подѣмлетъ свой рочагъ надъ главою человѣка, который видя смертоносный ударъ, палъ ему въ ноги. Эшо былъ Вильямъ. Милордъ видя, что у него въ рукѣ ножъ, понуждался его вырвать, и шѣмъ его заколошь; но видѣвши, что изъ рукъ сего злодѣя выпалъ, и самою на него трудью напкнулся, съ шѣмъ его оставилъ умереть, не давъ еще ему никакого удара. Мерзкое чудовище, вскричалъ Лейсесперъ, воззри шеперь; ибо
обра-

обращается швое беззаконіе на тебѣ съ наказаніемъ. О милосердый Господи! говоришь Лади, Лейсешеровъ ли голосъ слышу? А я тогда оставалась въ передней комнатѣ, и такъ дрожала, что едва себя могла сдержать. Подойди, любезная Машильда, говоришь мнѣ Милордъ; не бойся уже плуша: вѣчное правосудіе его наказало, не допуспя меня бышь убійцею. . . . Весьма я счастливъ, что спасъ сію Госпожу. Услышмъ ея приключеніе; а мнѣ кажешся, что съ нею по же несчастіе случилось, какъ исъ нами? Милордъ Лейсешеръ, говорила она, вы не можете имѣть несчастія, косто бы я съ вами не раздѣлила? . . . Уже того довольно, что спасена моя жизнь. Но странно, какъ не узнали, что говоришь такъ прекрасная Роза-Сесиль. Я бросилась въ ея объятія, и прижавъ ея къ груди, держала, доколѣ она меня не узнала. Какъ, Машильда! эпопы! о любезный мой другъ! — какимъ чуднымъ образомъ. . . вижу я васъ здѣсь! — съ Лордомъ Лейсешеромъ!

ромъ! — въ такомъ недоумѣннѣи пре-
были до того, какъ зачали изъясняпъ-
ся. Я вижу, выговорилъ Лордъ холо-
дно, что мы находимся въ домѣ Лор-
да Бюрлейга. Такъ, отвѣчала Роза Се-
силь; но онъ отвѣхалъ и вы не под-
вержены будете никакому страху въ
домѣ, гдѣ я власпна. Любезная Мисъ
Сесиль, сказала я ей: вы еще сомнѣ-
ваетесь, съ кѣмъ говорите. Вспомните
вы прежнюю дружбу, коею вы соеди-
нены были съ несчастливою Машиль-
дою? Ту, копорая иногда оплакивала
приключенія, скрывая свои обстоятель-
ства въ глазахъ споль пріятнѣйшаго
друга. Теперь пріими и будь ей повѣ-
ренная и скажи мнѣ, можешь ли лю-
бишь, копорая уже женою Милорда
Лейсеспера за долгое время, какъ вы
со мною подружились, и копорая бѣ-
житъ изъ своего опечесива? Нѣсколь-
ко минутъ молчала она, обращая свой
взоръ шо на меня, шо на Милорда. По-
шомъ схвапая у обѣихъ насъ руки, дер-
жала крѣпко своими. Любезная! молви-
ла она со вздыханіемъ покраснѣвши,

возврѣла на Лорда: мой защитникъ!.. И больше не говоря ни слова, пошчасъ пала на мои руки, скрывая свой стыдъ и слезы, въ моихъ объятіяхъ. Ея красота и одежда въ безпорядкѣ. (Понеже сей бездѣльникъ принудилъ ее встать съ поспехи полуодѣшою.) Невинность ея и привѣтствіе привели въ жалость Милорда; ибо онъ до того времени поступалъ съ ею хладнокровно. Любезная Сесиль! говорилъ Лордъ ей съ пріятнымъ и крошкимъ видомъ: съ сей поры уже и я могу назваться тебѣ другомъ. Нынѣ не принимайте меня за Фаворита гордой Королевы, а за мужа своего вѣрнаго друга. Союзъ, избранной сей чепы, довелъ меня до опасности, и принуждены стали спасать себя бѣгствомъ изъ Англїи и искать убѣжища, покаместъ минуешь злоба Елисаветина. Но черезъ краткое время едва не содѣлались жертвою сего бездѣльника, коего вы видите простерта предъ вами бездыханна. И хотя мы избѣгли кровопролитнаго вертепа, но спастись можете,

и партія его нападешь здѣсь, въ
коей онъ былъ Апоманомъ. Остереги-
тесь и пріимите смѣлосшь. Соберите
своихъ служителей; и когда себя бу-
дите обезпечивать, просимъ и насъ
не забыть. Могу ли я по сдѣлать? и
могуль, говоритъ она, допустишь,
чтобъ васъ видѣшь въ несчастіи? По-
томъ обращая ко мнѣ, съ истиннымъ
чистосердечіемъ взирала на меня, не и-
мѣла ли я какого подозрѣнія. Мы ей
разказали наши приключенія; а Ми-
лордъ спрашивалъ ее, какимъ образомъ
Вильямъ вшелъ въ сей замокъ, даже
и въ ея покои съ какимъ намѣреніемъ?
Она намъ сказала все, что могла вспо-
мнить. Въ шестъ часъ, когда я спала,
была разбужена симъ злодѣемъ, кошо-
рый наложилъ ножъ на мое горло и
съ великою суровосшію повелѣвалъ мнѣ,
дабы его повела въ кабинетъ, гдѣ
отца моего письма и деньги. Знавши
опеческой нравъ, едва не согласилась
опедашь ему свою жизнь тогда, какъ
Милордъ вшелъ къ моему избавле-
нію. Но, примолвила она, мои любез-
ные

ные друзья, весьма мнѣ пріятно васъ видѣть; но нужно и то, чтобъ вы споспѣшили уѣхать. Отецъ будетъ мой завтре рано, что для васъ опасно, ешьли онъ васъ заспанетъ здѣсь. Снѣмы ошатчены спали, думая, какъ бы ошъ него укрышья.

Небудя служителей, Мисъ Сесиль о семъ разсуждала по всѣмъ обстоятельствамъ, что между прочими ей слугами находяшяся такіе, копорые о-предѣлены надзирашъ ея и повѣденіе. Чшождъ? когда увидяшъ Лорда Лейс-спера въ полночь въ ея комнатахъ, въ такомъ случаѣ можешъ ли изъяснишья о истиннѣ ея приключенія, не имѣя никакого свидѣтельсва? И какъ шому стапьяся, чтобъ она, будучи одна, могла прошивишья Вильяму? Сего ради она предложила такъ, на чемъ имъ согласишья. „Надсбно, чтобъ Милордъ ош-ѣхалъ на время. Машильда, доколѣ я разбужу всѣхъ, тогда намъ, имѣя довольное число служителей, нечего бояшья разбойниковъ. И по счастію нашему сынъ

кормилицы моей шеперь здѣсь въ замкѣ. Сей молодой человекъ, на котораго я вѣрно надѣюсь, очень науку морскую знаетъ, и командуетъ не большимъ кораблемъ, на которомъ онъ обыкновенно ѣздитъ въ Девонзиръ и Францію. Способнѣе сей оказіи быть не можетъ; такимъ образомъ можетъ препроводить васъ во Францію безопаснымъ путемъ, нежели по морю. Проѣздъ вамъ хотя и будетъ подалѣе, но безопасенъ. Артуръ совершенно знаетъ сію дорогу, и содружество его съ тамошними жителями доставитъ все нужное. И такъ вы не будите опасаться людей, любящихъ любопытство, послушай меня Милордъ, и будь благодаренъ. Я васъ проведу воротами сюда. Вы пройдите близъ стѣнъ тихонько, и сполмили ополедъ постойте въ лѣсу, гдѣ вы увидите мостъ. Тутъ приведетъ къ вамъ Артуръ двѣ лошади: одну для васъ, другую для Машильды, на которой она сядетъ. Тревога сдѣлавшись въ домъ, укроетъ ей проходъ, чего никакъ не примѣшитъ.

Сего способу нѣтъ лучше; извольте ему слѣдовать, за что я ошвѣчаю.

Какъ не было время больше разсуждать, но и проводили мы Милорда садовыми дорожками. Когда онъ вышелъ, тогда мы почувствовали, колико его бышье было намъ въ шягость. Однакожь отъ страха все помертвѣли, видѣвши Вильяма лежаща мертва, даже до того, что не могли молвить слова между собою, озираясь покло на шу и на другую сторону, и чувствуя въ себѣ аккъ разслабленіе. Какимъ же образомъ будить нашихъ служителей? Надлежало кричать изъ всей силы. Тогда вбѣжали къ намъ все женщины, и умножали нашъ крикъ.

Тотчасъ проснулись все наши слуги, и восемнадцать человекъ вмгъ вооружились насъ защищать. Препроводили мы изъ нихъ пятнадцать чрезъ двери свода. Я имъ тотчасъ описала мѣсто, давъ наставленіе итти тихо, дабы уловить разбойниковъ; въ продолженіи же сего времени Сесла е дѣ-

лала приказаніе пому молодому чело-
вѣку, о которомъ выше сказано.

Они будучи возбуждены и слышавъ
мое споль спранные приключеніе, по-
шли подъ сводами, горя не шерпѣніемъ,
какъ бы симъ соспавяшъ знаменишую
побѣду. Дошли до шой пропы, гдѣ
мы взлѣзши оставили веревку. Пробѣ-
жали подземный входъ, не вспрѣшив-
шись ни съ однимъ разбойникомъ; че-
то ради разставили караулъ по обѣимъ
споронамъ входа, и ловили одного за
другимъ, которые входили. Первая
удача побудила прочихъ къ горячно-
сти, ошъ чего Мисъ Сесиль находи-
лась въ страхѣ, имѣя при себѣ малое
число людей.

Между шѣмъ Аршюръ приготошав-
лялъ лошадей; а Сесиль крѣпко нака-
зала Аршюру, чшобъ онъ меня съ Лор-
домъ доставилъ до спокойнаго мѣста,
давъ намъ довольно бѣлья всякаго. По
семъ благодѣшельная спранныпріимка о-
бнявъ меня, залилась слезами и я съ ней
проспясь на вѣчно, поѣхала въ путь
свой.

Небо

Небо было весьма чисто, и мѣсяцъ въ полномъ сіяніи. Путь нашъ лежалъ прошиву подземелья; но я надѣясь на Божію помощь, съ нетерпѣніемъ желала съѣхаться съ Лордомъ; и еще не доѣхала до показаннаго намъ урочища, какъ увидѣла своего мужа. Мой любезный защитникъ вышелъ изъ задеревъ; бѣжипъ къ намъ, благодаря судьбу, что вывела изъ напастн; сѣла на лошадь, копорую ему Аршюръ приготоовилъ. Въ сей часъ забыла я весь страхъ, каковъ предъ шѣмъ имѣла.

Мы ѣхали съ великимъ молчаніемъ. Соповарищество посторонняго человека насъ смѣсняло; почему и обращали свои мысли, вспоминая ту мину-ту, въ кою мы разбойниками были ввержены въ подземелье. Страхъ и ужасъ прежній обратился на главу шѣхъ бѣдныхъ, отъ конхъ мы оный претерпѣвали. Иногда приходило на умъ, что я вижу Елисавету, копорая злобу свою изливала на Элеонору. Одну надежду я на Сиднея полагала; но и
шо

шо не вѣрно, что онѣ не можешъ у-
толишь ея гнѣвъ; ибо мнѣ извѣстно,
что Королева спала бышь свѣдома о
нашемъ супружествѣ (да и Милордъ
писалъ къ ней о томъ спустя часа
сѣ два послѣ нашего отбѣзду); а сіе
свѣденіе и подало причину узнать ей
о нашемъ рожденіи. Почему легко мнѣ
заключишь, что Королева конечно во-
шла въ сыскъ о всей нашей шайнѣ.
Понеже злобою напыщеннымъ сердцамъ,
свойспвенно домогаются всѣми мѣрами
мщенія.

Нашъ скороспѣшный отбѣздъ
оставилъ одно попеченіе о сеспрѣ мо-
ей, дабы сыскать случай, кому бы
изъ малаго числа нашихъ друзей ее
рекомендовать, и кпобъ Элеонору у-
крѣпить могъ въ томъ, чпобъ она
сколь можно хранила нашу шайну. И
хотя она въ опасныхъ случаяхъ бу-
дешъ; но умѣешъ себя содержать.
Сіе меня очень обнадеживало, что она
прешерпитъ жестокія испытанія; но
не опкроеся: однако не можешъ убѣ-
жать безчестнаго порицанія и худой
въ

въ народѣ молвы. Въ такомъ случаѣ надобно имѣть великую крепость и соблюсти свое рожденіе.

Знавши же и то, что Фаворитъ Елисаветинъ не можетъ быть навсегда надеженъ, то Лейсесперъ для предосторожности далъ въ разныя руки чужестраннымъ купцамъ значную сумму денегъ на всякій случай. Сіе единое оспалось къ ея помощи и сдѣлано весьма благоразумно.

Издѣшка я будучи лишена всѣхъ своихъ кровныхъ, сего ради должна была домогаться искашь знакомства съ людьми достойными почтенія, наипаче же съ одной сестрой отца моего, Маргаритшою Лади Мерминперою. Она воспитана была съ покойною Королевою въ Католицкомъ законѣ и выдана за мужъ за Генерала Мерминпера, который себя много опличалъ въ царствованіе Филиппа и Маріи. Но премѣна какъ въ законѣ, такъ и въ правленіи политическомъ, по вступленіи на престолъ Англинской Елисаветы, лишила должника ей почтенія и все-

лїя. Генералъ Мерминперъ удалился одинъ въ Ишпанїю, достигъ до прѣвосходнаго счастїя и наслаждался веселїемъ. Но вдругъ похишила скорая смерть, оставя дѣшей у Филиппа меньшаго сына, во Франціи; а шетка моя уѣхала въ Нормандїю, гдѣ сестра ея мужа была Игуменьей. Была она нраву надмѣннаго. Льстилась щещнымъ упованїемъ видѣшь Дюка Норфольда, ея несчастливаго брата, возшедшимъ на престолъ по Королѣ въ Шотландїи, и въ томъ будучи намѣренїи вышла изъ монастыря, ѣздила въ Римъ, не щадя ни шруда своего, ни денегъ, дабы подкупить друзей, кои бы могли подкрѣпить сей союзъ: ибо она знала о сочешанїи бракомъ брата съ Марїєю Спуаршою; равно же и о рожденныхъ нми несчастливыхъ наслѣдникахъ; но не имѣла счастїя видѣшь Марїю и ея несчастливыхъ дѣшей. Омерзѣнїе, каковое имѣла она прошиву Елисаветы, не позволяло ей ворошиться въ Англїю. . . .

Таковыя и разныя мысли опягощали меня до самаго дня. Тогда нашъ проводникъ намъ сказалъ, что мы можемъ успокоиться въ одномъ шалашѣ, который въ виду у насъ былъ. Мы согласились паче всего, что Сесиль увѣрила насъ полагаться на вѣрность сего молодого человѣка. Пошли мы въ шалашъ въ такую пору, когда жили всѣ были на работѣ въ поляхъ. Примѣшно всякому, что я была обезпечена. Добрые хозяева, накормивъ насъ, потчасъ положили на свои постели. Мы спали оба столь крѣпко, что уже настала другая ночь. Когда мы проснулись, проводникъ изгостовилъ намъ обѣдъ и прилѣжалъ изгостовивъ все, чтобъ мы отправилась ночью. Я бы желала, чтобъ осталась и до утра, но должны были повиноваться Ардюрову совѣту; ибо онъ исполнилъ существенно повелѣніе Сесили. И такъ сѣдши на лошадей, поѣхали проселочною дорогою. Проѣзжали мы мимо разныхъ полевыхъ жилиществъ, гдѣ обыватели не имѣли о насъ ни-

какого вниманія, а взирали на насъ какъ на проѣзжающихъ.

Такимъ образомъ ѣхали мы нѣсколь-
ко времени, не имѣя никакого примѣ-
чанія о мѣсположеніяхъ. Неперпѣливо
ждала я увидѣшь море, наконецъ и у-
видѣла; далѣе мешала свой взоръ, дабы
намъ удалиться отъ берега и быть въ
безопасности. Спорона ша, гдѣ мы спа-
ли, была населена людьми злыми и опа-
сными, привыкшими не шочію грабить
пѣхъ, кои бурею къ нимъ занесены бы-
вали, но и убивать до смерти. Они взи-
рали и на насъ окомъ зависплымъ;
иначе я не мнила, что то было изъ шай-
ки Вильямовой. Я благодарила Небо,
когда вошли въ домъ Аршюровъ. Онъ
былъ построенъ на берегу моря, оп-
куда видны были высокія горы, ко-
шорыя простирались далече въ море и
составляли небольшой заливъ, при-
крывающей лодки рыбачьи и неболь-
шія суда. Прежде боялась я молніи.
Тутъ слышала ревущее волненіе моря,
не имѣя никакого страха, какъ мнѣ
сказывано, что происходитъ отъ ве-
ли-

ликихъ бурь, и что намъ не можно было выѣхать изъ канала.

Въ семъ дикомъ мѣстѣ никакого мы свѣденія не имѣли, что происходитъ у двора послѣ нашего опсудспвія; не было никакой намъ надежды. Два дни пробыли въ смертельной скукѣ, и разные прожекты выдумывали, но тщетно. Аршюръ не осмѣлился выѣхать на своемъ суднѣ, и для того нанялъ большую лодку рыбацью, будто хошѣли ѣхать для ловли рыбы; а онъ и перенесъ въ нее для насъ нужное. На третій день увидѣла я съ великою радостію, что вывелъ лодку изъ залива, а ждалъ насъ, отѣхавъ не далеко отъ берега. Мы съ великимъ удовольствіемъ сѣли въ лодку и поплыли.

Едва я вступила на палубу, какъ увидѣли мы двухъ чужестранцевъ, скачущихъ верхомъ во весь опоръ, подавая знакъ гребцамъ подождать ихъ. Казалось, что съ нешерпѣніемъ желаютъ соединиться съ нами. Крикъ и помованіе сихъ чужестранцевъ приве-

ли меня въ ужасъ. Опдалабъ я все, что ни имѣла мастросамъ, дабы они не поворошались къ берегу; и хопя употребила всю свою прозъбу, но они велѣли принять ихъ. Я скрылась въ каюпѣ и закушалась въ ней бывши внѣ себя, не смотря на то, что Милордъ увѣщевалъ меня быть благонадежной на Аршюра, и что сѣи два человѣка намъ не опасны. Онъ вшолъ на палубу; а я обьяша спрахомъ. Но лишь я оборотилась, увидѣла Милорда идущаго съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кошорый ухватилъ мою руку и цѣлуешъ. „Взгляни, моя любезная, говоришъ Милордъ, какого поварища намъ судьба опредѣлила. „

Нѣшъ, она на меня не возришъ, говорила Мисъ Сесиль (ибо она была одѣша въ мужское платье), не разсуждая болѣе, съ какою дружбою я буду принята вами, брося все, дабы соединить свой жребій съ вами. Прежде, нежели мы будемъ о семъ разсуждать, послушайте, я опкрою вамъ все
мое

мое сердце, и увѣрю тебя, что я нахожу великое удовольствіе васъ видѣть и обнимать любезно. По сихъ объясненіяхъ радостнаго удивленія просила я, чтобы сказала намъ, что за причина побудила ее къ столь чрезвычайному удаленію? Виновна, продолжаетъ она, что искала обратить взоръ Лейсестера на себя, сей подобную слабости почти весь свѣтъ имѣетъ. Но нынѣ я изшреблю несчастливую сію склонность, узнавъ, что вы уже соединены съ нимъ, шѣмъ погашаю послѣднюю искру обитную въ моемъ сердцѣ, видя, что мысль моя не оставитъ моего благополучія. Разсудила сдѣлать честь своей непорочности, и доказавъ, что вся моя любовь исчезла, и что зрю въ сей разъ красоту и достоинство сей, кою онъ избралъ. Могуль ей я завистьовать, носившей титшуль превосходящей всѣ мои желанія. Титшуль той, которая между нашимъ поломъ имѣетъ разныя дарованія отъ Неба? Нѣтъ! люблю справедливость и

нахожу въ Машильдѣ искренняго себѣ друга.

Когда вы поѣхали, я всегда мыслила объ васъ, забыла почти и то, что слуги мои на стражѣ подземелья и всѣхъ злодѣевъ тамо обитающихъ. Единое мое было воображеніе, что вы избавились безбѣдно, и вспомнишь ли когда Розу Сесиль? Казалось мнѣ, что я слышу ваши вздохи, лепѣла бы къ вамъ, дабы облегчить ваше огорченіе и уполють вашу печаль. Въ семъ восхищительномъ желаніи, какъ слышу голосъ своего домоправителя, который вшедъ въ мою комнату: закричалъ: „порадуйтесь, государыня, порадуйтесь! сей храбрый чужестранецъ конечно на то рожденъ судьбою, чтобы быть защитникомъ своимъ: но сколько времени мы дожидались, не видя никого, кто бы вошелъ въ двери подземелья, а вдругъ услышали множество голосовъ приближающихся. Наши люди приняли бодрость. Одинъ изъ разбойниковъ вошелъ съ видомъ злойшимъ, но вдругъ показалось, что злойшій его видъ пре-
мѣ-

мѣнился, когда его изъ нашихъ двое подхвашили, а прешій приставилъ ему пистолетъ къ груди. Прочіе пошревожились, но ни одного изъ насъ не ранили. Попомъ всѣ мы вышли, и за свѣшя огонь, за послѣднимъ гнались по подземелью. Спрахъ ихъ такъ объялъ, что они уже не сопропивлялись, и мы ихъ всѣхъ переловили; но услышали вопль, исходящій изъ пещеры, мы потчасъ побѣжали къ самому пому мѣсту; отворя дверь нашли шамъ нашего Господина Милорда Бюрлейга съ незнакомою женщиною и према служителями нашими, кои совершенно бы были умерщвлены, естли бы имъ счастье не возблагодѣшельствовало. Правда, что ошецъ лишилъ меня благословенія дочеря, но шаковое свѣденіе не мало порадовало. Осталось мыслишь, что мнѣ дѣлашь съ шѣломъ Вильямовымъ, которое еще лежало въ моей комнашѣ. О семъ въ немаломъ была замѣшательствѣ, какъ объяснишь шакому человѣку, коего прудно обманушь? Ошецъ мой уже вшолъ въ домъ,

доколѣ я о томъ размышляла. Вышедъ я изъ своей прихожей, предспала предъ его, желая ему засвидѣтельствовать мою преданность. „ Я знаю, говоришь онъ, дочь, кѣмъ сія пагубная пещера открыта? Но гдѣ Лордъ Лейсестеръ и его жена? „ Таковъ вопросъ былъ для меня аки свидѣтель, что сею ночью происходило. Глаза мои устремила я прямо на него со удивленіемъ, молчавъ; а онъ повторялъ то же и приказалъ людямъ искашь васъ всюду. Самъ бросился въ мою комнату въ той же надеждѣ, что сыщеть своего непріятеля. Мнѣ казалось, что пятоснѣе ему было собственнаго его спасенія. Удивлялся онъ, что не могъ сыскашь ничего, кромѣ шѣла Вильямова. Отецъ мой смолкъ, но возрѣвъ на меня свирѣпо, указывая на проптертое шѣло: эшо ты его убила? говорилъ мнѣ иронически, и за шѣмъ еще впалъ въ размышленіе; осматривая убишаго, казалось, что узнаваешь его по лицу, и сдѣлавъ движеніе, съ ужасомъ молвилъ пихонько: „ Сей бездѣль-

дѣльникъ! „ уже я не разумѣла, чтобъ онъ далѣе говорить хотѣлъ. Тогда я осмѣлилась спать въ своемъ упорствѣ и продолжая вымышленныя рѣчи. Потомъ онъ же мнѣ повелѣлъ свирѣпою рѣчью: Роза, поди за мною! А какъ я была привычна къ его грубости, шла за нимъ; вошли мы въ другую комнату. Сѣлъ онъ, повелѣвая мнѣ, чтобъ я сдѣлала подлинное описаніе о происшедшемъ въ эту ночь. Я сказала ему, какъ разбуждена Вильямомъ, его намѣренія и угрозы были. меня умер, пвишь: а когда дошла рѣчь до того-къмъ я спасена, тогда наименовала Артюра вмѣсто Лейсестера. Заключила мнѣ, что Артюръ поѣхалъ провожать мнѣ незнакомую даму, убивъ сего бездѣльника. Спросилъ онъ, кпобъ была сія незнакомая? Я отвѣчала, что не здѣшняя. — Припомни, говоритъ онъ, припомни дочь безумная и лживая напередъ! кому ты такъ отвѣчаешь? Я знаю, чего ради Лейсестеръ бѣгаетъ и съ кѣмъ, знаю же и то, какъ онъ избѣжалъ изъ той же пещеры, изъ ко- ей

ей я вышелъ. Посрамя имя Сесиля, не достойна называться симъ именемъ. Защитница бездѣльника! ты хочешь скрыть и жену его? Трепещи мщенія твоей Государыни! бойся и опъ своего опца?

По какому случаю онъ о всемъ былъ свѣдомъ? я уже не могу знать. И такъ видѣла, что нѣтъ способу мнѣ скрыть порядокъ дѣла выдумкою: „ признаюсь въ истиннѣ, говорила ему я покраснѣвши: Лорда Лейсеспера послало Небо въ мою помощь. И такъ, милосливый государь, виновналь я спасти челоука опъ смерти, который спасъ мою жизнь? Нѣтъ! никогда, они теперь въ современномъ мѣстѣ, и ее избѣжали. Онъ и его жена въ ожиданіи, доколѣ минешъ гнѣвъ Королевы. За симъ уже никакая спротость не можешъ изыскашь болѣе сей истинны. Пусть я наказана буду судьбою; но благодарю Бога, что мнѣ былъ случай опплатить благодѣяніе, мною полученное.

Мо-

Могу ли я вспомнить, сказала съ воздыханіемъ Роза Сесиль, всѣ прѣнїя жестокїя, кои я принуждена была вытерпѣвать два дни, будучи заперта въ свои покои и содержена аки преступница? Наконецъ обѣщено мнѣ, что я заключена буду въ пещицу вѣчно въ предсказанное подземелье. Счастіе мнѣ помогло, что я на все молчала, а симъ увѣрила отца, что ты съ Машильдою въ замокъ уѣхалъ Кенильфоршъ, или близъ онаго. Чего ради безпрестанно посылалъ онъ навѣдываться отъ себя вѣрныхъ шпионовъ; ибо онъ въ иномъ мѣстѣ васъ бытъ не чаялъ. Я же будучи спрогоспїю его спѣсена, прїяла послѣднее средство бѣжать и соединиться съ вами. Разсужденіе о побѣгѣ хотя было и безумное, ибо шѣмъ могла бы понудить вашихъ непрїятелей больше въ поиску; но желаніе преодолѣло. Между шѣмъ отецъ мой перемѣнилъ мысль, и послалъ нарочно къ Лорду Иршону, кошорый, какъ вамъ извѣстно, былъ назначенъ моимъ женихомъ,

хотѣла, а я не соглашалась: однакожъ чрезъ три дни вашего отсутствія изустно повелѣлъ мнѣ, чтобъ я на другой день дала ему свою руку. Знала я неумолимый нравъ моего отца. Не удивляйтесь, что я слѣдовала склонности своего сердца, избрала я челоувѣка, который мнѣ былъ вѣренъ. Онъ мнѣ сыскалъ платье, и обладежилъ бытъ мнѣ проводникомъ. Я знавъ вѣрность и качество моего служителя, пустилась днемъ и ночью по вашему пути, о которомъ я извѣстна была, и писала къ отцу своему письмо будто изъ Лондона.

Когда Роза Сесиль кончила свою повѣсть, то мы ее увѣрили, повпоря нашу къ ней дружбу и помощь; поздравили ее съ смѣлостію, препроводя сей путь; потомъ Милордъ взошелъ на палубу. Вы какъ давно имѣете довѣренность о моей слабости, начала говорить паки Мисъ Сесиль жалоснымъ тономъ въ то время, какъ хотѣли проникнуть мое смяшеніе. Они мѣньше удивлялись моимъ спремленіямъ,

ямъ , нежели въ чемъ я сама признаюсь , и признаніе мое вамъ покажется спраннымъ , кое поправила я разсудкомъ чуднымъ. Разсудивъ о прежнемъ поведеніи , любезная Машильда , чувшвовала я , что Милордъ не зналъ склонности моего сердца ; но моя любовь время отъ времени паче опаснѣе спановилась. Сей проступокъ препоручаю суду обоемъ вамъ друзьямъ , которыхъ я и прошу назирать благоразумно и строго надъ моимъ поведеніемъ. Я знаю твою благодѣтельную душу , что не иначе будете поступать , какъ сообразуясь съ добродѣтелью. Желая , чтобъ я всегда при васъ была , въ какомъ мѣстѣ вы расположишесь имѣть свое пребываніе ; а я по близости удалюсь въ монастырь , гдѣ всегда навѣдываться о вашемъ соспоянніи буду , а нѣкогда и васъ видѣть , промолвила она съ воздыханіемъ. Симъ самымъ огражду мое признаніе , и мню избѣжать вашего подозрѣнія , не имѣя ни опасности , ни страха. Ей я отвѣчала , ея жавъ руки , съ пріятностію ,

ни-

никогда моя любезная, мнѣ надежный другъ, не разлучимся. Милордъ Лейсесперъ можетъ ли покушиться, и я могу ли опасаться такой души, какова твоя? Симъ мы можемъ нарушить произведеніе природы, и истинну скажу вамъ, любезная моя, я не иного опвѣшу ожидала отъ васъ, какъ споль великодушнаго; но не опмѣню моего намѣренія: ибо совѣсть моя въ моемъ поступкѣ меня уличаетъ, естли я буду колебаться въ своихъ мысляхъ.

Уже солнце закопилось, мысль безопасности, спокойствіе нашей подруги душу мою пронзили. Лордъ Лейсесперъ звалъ, чѣтобъ мы вышли на палубу наслаждаться пріятнымъ воздухомъ. Мы взошли и сѣли на банкѣ всѣ шроя. Казалось, чѣто всѣ спрахи насъ миновали, и мы были поддерживаемы надеждой. Порядочный вѣтръ надувалъ наши парусы. Свѣщеніе мѣсяца, аки посеребряло судно наше. Пріятная пишина обитала въ сердцахъ нашихъ. Я взоръ мой почаспу обраца-

ла

ла по на Лейсестера, по на свою подругу, разсмапривая ихъ взоры; но не примѣшила ничего кромѣ кропосши и спокойствія; а сіе спокойствіе блаженное, вспрѣчавшееся въ жизни нашей, услаждаетъ души наши, яко сладкій сонъ, шѣмъ самымъ подкрѣпляетъ прошедшее въ ожиданіи будущаго. И шакъ мы съ пріятностію ждали своего покоя. Милорду похотѣлось, чшобы спали на палубѣ. Тотчасъ поставилъ намъ небольшую спавку и послалъ постелю. Какъ воздухъ былъ пріятенъ, хотя осень уже углублѣла, согласились мы, и шакъ обѣ легли въ свою постелю, на которой обрѣли покой столь сладкой, какого въ лучшихъ палатахъ не имѣли.

Въ наступающій день вѣтръ изъ шихаго премѣнился въ бурливый и бросилъ насъ на страну Англій. Мы обѣ подвержены спали болѣзни, на морѣ случающейся. Милордъ былъ къ шому привыченъ, а намъ всевозможное спарался доставлять пособіе; и видя мою

слабость, весьма огорчился, что несчастіе понудило меня ввергнуться въ сію опасность, яко невинную жертву на заколѣніе. Чрезъ пять дней нашего плаванія достигли мы до Графа де Грасъ по ушру паче мертвы, нежели живы. Я принесена была въ шракширѣ и положена на постелю.

Въ сіи самыя часы Роза Сесиль доказала мнѣ свою любовь и усердіе. Пеклась о мнѣ аки кровная, упреждала подозрѣніе, которое названъ можно рѣдкостью, даже что имѣющимъ на то вниманіе невѣрояшнымъ казалось, дабы споль молодая дѣвушка могла сносить толкіе труды, а она сіе за должностъ починала; наконецъ я превозмогла свою опасность и надежда укрѣпила мою силу.

Писала я къ Моршюмѣ, объясняя короткими словами, по какой причинѣ вы выѣхали изъ Англїи, пребуя ея благосклонности и прїяшїя въ ея покровительство; дала ей знать и о своей беременности и о опытахъ, кои я прешерпывала. Послала къ ней и свой

не-

небольшой порпиретъ въ такомъ намѣреніи, что она увѣрена будещъ о сходствѣ моемъ съ матерью. Увѣряла притомъ, что мы имѣемъ при себѣ деньги и вещи, чѣмъ можемъ себя благоприспойно содержать и жить соотвѣтственно нашему имени.

По слабости своей еще я изъ комнаты моей не выходила, и примѣтила, что уже нѣсколько тому дней, какъ Милордъ противу своего обыкновенія былъ печаленъ и задумчивъ, блѣденъ и въ волненіи.

По всегдашней привычкѣ, во время его огорченій, схватила я его руку и просила съ жалостію чтобъ онъ открылъ свою печаль; а онъ прижавъ къ ногамъ моимъ, горько заплакалъ, вскричавъ: Ты мнѣ говоришь, что меня любишь, Машильда? О Небо! я ему оповѣчала: какое ты въ томъ имѣешь сомнѣніе? . . . Нѣтъ того на свѣтѣ, чего бы я для тебя не сдѣлала. Всемъ жервую, чтобъ ты испыталъ мою любовь? Ахъ! не будемъ испытывать другъ друга въ молчаніи. Скажи мнѣ

истинну, не усугубляй моихъ мученій? Какое несчастіе ты мнѣ объявишь хочешь? Я вижу, что есть несчастіе, да и несчастіе наибольшае! Ты молчишь, или злоба Елисаветы насъ и здѣсь достигла? Какая паче сего печаль можешь довести до отчаянія? Конечно, выговорилъ онъ, такъ. Ахъ! для чегожъ, вскричала я, не запаслись мы ядомъ? ибо едина смерть есть наше спасеніе. Сіе не касается до насъ, опвѣчалъ Лейсестеръ; но ты можешь, моя любезная, оплакивать печаль въ моихъ объятіяхъ. О чемъ вся Европа тебя оплакивать будетъ, мамушка моя, вскричала я?...

Одного возрѣнія было довольно, холодный потъ облилъ меня. Сама напура поразила мое сердце таковымъ же спраданіемъ, каковыя чувствовала мать моя, производя меня на свѣтъ. Не въ состояніи я была пролить слезы, накрыла главу мою полою и дала знакъ, чшобъ меня оставили. Надѣясь, что печаль моя произведетъ

сле-

слезы, и шѣмѣ облегчишѣ мое опчая-
нїе. Милордѣ бросилѣ на столѣ, подлѣ
меня споящїй, письма, а самѣ вышелѣ.
Жестокїй припадокѣ нѣсколько минушѣ
держалѣ меня вѣ изступленїи ума. Ка-
кїя ужасныя перемѣны умножили мои
слезы, соучаствуя новыми воображень-
ми? Сей ударѣ открылѣ изсточникѣ
моему сердцу таковыя хѣ чувствован-
нїи, кои мнѣ до того были неизвѣ-
стны. Первоя стрѣла извѣстила убив-
ство моея матери: вся душа моя сму-
тилась; сердце вѣ слезахѣ ушопало,
но изѣ глазѣ не было ни единой ка-
пли, и чѣмѣ я больше разсуждала, шѣмѣ
больше приходила вѣ опчаянїе. Мѣчпа-
лось мнѣ, что я жму Елисаветину руку,
мочившую вѣ крови несчастной Королевы.
Казалось, что я окружена фурїями, ко-
торые шепчущѣ во уши мои имя смер-
тоубїйцы. „Какѣ! вскрича я ревомѣ,
непрїятели не имѣющѣ жалости? у-
мерщвляющѣ ее? сему я виною? Ко-
нечно я взял ее на эшафотѣ! Да!
можетѣ быть вѣ погдашнїе часы,
какѣ она преклоняла дражайшую свою

главу на опсѣченіе, тогда обожаемое мною ея сердце вѣщало ей, что се-му причиною дочь ея; и такъ она имѣла сугубое спраданіе. Ахъ! для чего я не погибла въ шемницѣ подземелья? Чего ради молнія не пожгла меня? Великій Боже! по что не было Твоей воли повелѣшь морю поглотить меня? По что сей проклятый замокъ не палъ на сихъ чудовищъ, когарые дерзнули окропить сѣны кровію моей матери? Въ тоскѣ моей я кляла шомъ часъ злой, въ которой я дерзнула преступить заповѣдь Мисприсъ Меллы, чаятельно и любовь свою также прокланала.

Перебирая письма одно за другимъ, усмотрѣла, что не шолько пріятели, но и самые злодѣи Маріины превозносили ея добродѣтели до небесъ. Съ какимъ великодушіемъ предстала она въ сїи послѣднія минушъ! съ какою шихостію! съ какою набожностію! какой примѣръ предстасяль, зря жеспокость опышовъ! Какія чувствованія имѣла она тогда, зная мщеніе несвойшвенное человѣчеству.

Оста-

Осталось ей снять съ себя одежду, дабы покрыть слѣпою блистающій день своей соперницы и опняя величественный видъ закрывъ глаза всей націи, которая оплакивала свой стыдъ; но уже поздно. Духъ Августѣйшей Маріи! о моя дражайшая мать, невинная жертва! пріими въ небесные чертоги дочь твою несчастливую, которая со стыдомъ цѣлуєтъ твой пепелъ. Дай ей прощеніе и не лиши своего благословенія. Отпусти ей прегрѣшеніе сдѣланное по невѣденію; пріими мое разкаяніе и не вспомни преступленіе.

По семъ предшала мнѣ мысль жестокая о томъ, что Елисавета всеконечно узнала и о нашемъ рожденіи. Хотя памятно было мнѣ, что шайна сія никому была не вѣдома, кромѣ сестры моей, въ чемъ и увѣрена была, что она никому не опкроєтъ. Я вновь начала читать свои письма. Увы! еще умножилась моя горестъ, нашедъ, что всѣ удаляются отъ Элеоноры. Еще нашла письмо въ складнѣ моего плащя отъ Лади Арюндели; вопіъ она что пишєтъ:

Не

„ Не могу перпѣшь, мои любезные друзья, долговременно, чшобъ васъ не поздравить со счастливымъ побѣтомъ отъ жестокой убійцы Елисаветы; хочу васъ извѣстить о сестрѣ вашей, но боюсь васъ огорчить: однако же не скрою ничего. Элеонора въ сей самый часъ предшала, когда Елисавета читала письмо Лорда Лейсестера. Сія необузданная памятозлюбка возложила всю вину на Элеонору, винила ее во измѣнѣ; отъ нее извѣдывала спрахомъ и угрозами, что самое ее обезрѣчло. Она упорствовала, чѣмъ Елисаветину ярость наипаче возбуждала. Елисавета въ сей самый часъ держала книгу и ударила ее въ голову, отъ чего Элеонора впадъ въ обморокъ, прервала зашешку, тогда прочія женщины увидѣли письмо у ея груди, выхвата подали Королевѣ. Что въ немъ было писано, я того не знаю; но Елисавета читала его два раза и въ досадѣ изорвала его, а сама пошла вонъ взявъ, съ собою Зингама и Бюрлейга: но Элеонору подхващили въ ту же ночь изъ
Двор-

Дворца, но не извѣстно кто, и гдѣ она теперь. Между нѣмъ дружба и любовь сыскала способъ ей. Не долго она подѣспражею была, скоро ей опверсны были шемничныя двери. Я бы васъ удивила, естли бы именовала вамъ ревнишельнаго любовника ся; но узнаете его тогда, когда они къ вамъ прибудушъ, какъ я надѣюсь ваша сестра и ея любовникъ извясняшся сами обспояшельно.

Елисавета не упоминаетъ ничего о Лейссертѣ какъ съ презрѣнїемъ, и припворяется яко опягощена нѣкоей комиссїей. Никто не знаетъ, что произошло между ею и имъ, что она всю свою жестокость обратила въ другую сторону. Нѣшъ нужды писашъ, кто бы былъ ея предметомъ. Но въ великомъ страхѣ говоряшъ теперь о смерти сей, на копорую она взирала яко смершную непрїяшельницу, принудившую ее о томъ горько плакашъ.

Въ семъ единомъ состояло мое ушѣненїе. Извѣщена я была, что Ели-

савеша омерзѣла всему свѣту за нарушеніе правѣ Королевскія крови и безчеловѣчія. „ Да выговорила я вздыхая, Небо накажетъ достойнымъ наказаніемъ ея беззаконіе. Она спала яко прокляпа, лишась чести и добраго имени. Хотя облечена Діадимомъ; но голова ея замѣщенная не обрѣшетъ себѣ покоя. Лишена вѣрной дружбы, пороки ея явны. Ненависть ея къ Маріи Стюартъ возбудила ея красота, и тако оспатокъ жизни она препровождала, будучи всегда въ страхѣ, вѣдая, что послѣ убіенной оспались дѣши.

Вечеромъ получила я сію записку отъ Лорда Лейсестера.

Прежде, нежели швоя печаль шебѣ объявлена, уже сердце мое спрадало; прошу въ сіи часы обще раздѣлишь нашу печаль. О любезная Машильда! не мни, чшобъ я не имѣлъ учасія, хочу шебя нѣсколько успокоить. Оплакивай дражайшая, но плачь въ моихъ объятіяхъ; ибо я всего лишусь, когда ты меня покинешь.

Та-

Такова записка произвела немалыя слезы. „ Нѣтъ, Лейсестеръ! я всегда именовалась буду швоей супругой и швоимъ другомъ; колико сердце мое ни обѣяшо моей печалію, но ты единъ можешь облегчить. Вошла я въ его покой; увидѣла Милорда, что онъ въ шемнотѣ бѣгаетъ и шуда и сюда, бросилась къ нему на руки. „ О ты единъ, къ кому я имѣю сполько горячности, шoliko злополучно любя! вся шупь моя надежда, пріими вѣшпосшь облегчить мою напашь, дабы далѣе она не пронзала мое сердце! Онъ падъ на мою шею, облилъ меня слезами.

Ясно вижу, говорю ему, показавъ ему письмо Лади Арюндели: я, или моя несчастливая сесшра виною смерти машери нашей. Елисавета знаетъ совершенно наше бытіе; она не довольна единою жершвою, хочешъ пожрать и сесшру на ея гробницѣ. Я не увижу сесшры моей, не услышу ея голоса.

Въ сіе время Сесиль была намъ Ангелъ ушѣшишель, и я доведена бы-

ла до жестокой меланхолїи. Одна оспавалась намъ надежда, что прїятельи увѣдомляли насъ изъ Англїи, увѣрря Милорда, что Елисавета уже не сшаралась о немъ имѣшь поисковъ. Тѣмъ самымъ мы нѣсколько облегчены; а терпѣніе наше ушолило наши напасни, ибо къ сему не было инаго средства.

Повтореннымъ прозьбамъ Лади Мерминшеры мы уже должны были послушась ѣхать, и пребываніе свое опредѣлишь въ Руанѣ; отсюда приказали перевести все нужное, дабы намъ бышь въ состояніи соотвѣшствующемъ нашему званію. Городъ сей долгое время былъ прибѣжищемъ людямъ, благороднымъ изгнанцамъ. Родство мое съ Ладіей Моршимерою увѣрряло меня, что я буду приняша благоприсойно. Паче, что уже родины мои ближились, коихъ я со ужасомъ ожидала, шѣмъ ушѣшалась, что Лади Моршимеръ въ шакомъ случаѣ, аки шепка моя меня не оставишь. Что надлежишь до Лейсеспера, то онъ спановилса мнѣ день
опѣ

отъ дня милѣе. И тако я надѣялась примириться съ своимъ несчастіемъ, разсуждая въ себѣ, что любовь его будетъ не нарушима.

Безъ того мы не хотѣли ѣхать, чтобъ не найши хорошаго дому, и не принявъ числа служителей, да и увѣдомили Мерминшеру, что мы прибудемъ ночью. Какъ вѣхали въ ворота Руана съ окружающими насъ слугами, то мое сердце препешало несказано отъ воображенія, когда я увижу сестру отца моего, которая приметъ меня аки родственницу. Встрѣшила она насъ въ дверяхъ галлерей. Я схватила ея руку съ восхищеніемъ, прижала къ своей груди; но она съ холоднымъ духомъ подступая, разсматривала черты мои и меня; а я примѣшила, что ласковость ея не изънутри сердца производилъ. Послѣ обыкновеннаго поклона Лорда и Сесилия и сама разсматривая ея спала. Видѣ ея былъ пріятенъ, какъ между фамилією Товардовой; также плашье на ней было простое, какъ и на мнѣ:

Посупка ея была какъ челоѡка обрѣ-шающагося въ свѣшѣ. Разговоръ нѣ-сколько грубѣ, и шакъ узрѣла я род-ственницу, а не друга; она намъ пред-ставила двухъ Черноризцовъ, изъ ко-прыхъ за ничто щисала одного стар-ца изъ Офицеровъ роду Моршимерова и сестру его какъ такихъ людей, ко-имъ можно вѣришь и нашу шайну, да уже имъ она опкрыла, не спрося насъ. Лорду Лейсестеру весьма то до-садно было; но скрывалъ свое смуще-нїе, и принялъ на себя видъ веселый. Я же видѣвши себя въ безопасности въ домѣ своей тешки радовалась. За шѣмъ посажены мы были за пышный столъ, кошорый на сей случай былъ изгоповленъ. Ёла я съ шакимъ вку-сомъ, какото я давно не имѣла.

Въ разсужденїи нашего бытїя Ла-ди Морминшера удалялась насъ воп-рошашъ; но о своихъ дѣлахъ разска-зывала съ великою вольношїю, ска-зывала шоже и о двухъ сыновьяхъ ея; а нащаче о меньшомъ, кошорого она
жда-

ждала со дня на день изъ Ямайки , гдѣ онѣ обладаешѣ великимъ имѣніемъ , подареннымъ щедростію Ишпанскаго Короля. Мнила она , что ея повѣсть весьма насѣ увеселяешѣ ; но и забыла то , что мы очень были обезпокоены . Сесиль ей говорила , что уже очень поздно , и такѣ проводили насѣ въ особыя покои .

Милордѣ Лейсесперѣ въ сіе самое время умерщвленѣ при Машильдѣ въ домѣ измѣнницы Морминперы по повелѣнію Королевы въ шайнѣ .

Молодой Моршимерѣ не умедля прѣхалѣ изъ Ямайки ; казалось , сожалѣлѣ о несчастіѣ Машильды , да и предложилѣ препроводитѣ ея на своемъ кораблѣ , куда ей угодно , далѣе ошѣ Англїи . Машильда соглашаешѣ , взявѣ съ собою и шѣло балзамированное своего мужа ; но и вмѣсто того , чтобѣ препроводитѣ ея въ Англїю , Моршимерѣ въ нее влюбяшѣ препроводилѣ въ Ямайку .

Во время сего плаванїя Машильда услышала , что въ одной близѣ ея

каюшѣ поешѣ нѣкто нѣкоторое небольшое сочиненіе, которое она знала. Слышавѣ пріятный голосѣ, входивѣ и видивѣ, что то была Роза Сесиль, которая будучи вѣ горести, оставя отца своего, и увидѣвши гробѣ ея возлюбленнаго Лейсестера, спремглавѣ поверглась вѣ море.

Между шѣмѣ Машильда вѣ кораблѣ родила дочь, и нарекла ей имя Марія, вѣ память своей мащери. . . .

Мы не будемѣ себя нудить, описывая безполковыя ея приключенія, бывшія вѣ Ямаикѣ; ибо они не суть важны. Вѣ продолженіи восьми лѣшѣ она была ввержена вѣ башню, изѣ которой ей и смотрѣшѣ только было можно, что на море, не имѣя другаго ушѣшенія, какѣ ласковость ея дитяти, и первыя понятія словѣ ея ребенка. Дозволено кѣ ней входитѣ одной богашой Негрянкѣ Анакѣ, которая любя ея дитя, щедро дарила богашыми алмазами.

По

По сихъ Машильда безконечныхъ
ея несчастійяхъ, опущенная въ Англїю,
продолжаетъ свою повѣсть.

Я всѣми силами спаралась пре-
одолѣть мои печальныя воспоминаенія,
когда увидѣла Англинскіе берега, при-
жимая къ сердцу дочь свою. Всѣ мои
мысли къ ней я обратила, всю свою
надежду на нее полагала; а она также
радовалась, желая кончить наше пу-
шешествіе. Мы прислали въ Генерихъ,
мѣсто, въ кошоромъ я чаяла свѣдашь
о фамиліи Сиднѣвой; попомъ свѣда-
ла ошъ пракширщика Жадеса, бывша-
го прежде слугой Лорда Лейсестера.
Увы! смошрѣлъ онъ долго на меня по
причинѣ моего ошсудствія, но не ви-
дала я никакой благосклонности; уже
вижу я Жадеса во всякомъ изобиліи
обладающа великолѣпїемъ; онъ намъ
ошвелъ самое пустое жилище, гдѣ
рѣка палатны обливала, и гдѣ не было
чиспаго воздуха и была аки прекра-
сная гробница; я ошпановилась на нѣ-
сколько, созерцая перемѣну соспоянїя
въ свѣшѣ. Сошли мы на берегъ и

увидѣли великую толпу людей насѣ окружающихъ изѣ любопытства, кои намѣ дѣлали тысячи вопросовъ: иной спрашивалъ, откуда мы, другой чудился прѣзду неожиданному и прочая, какъ изѣ пѣхъ одинъ сказалъ мнѣ, что любезная моя Лади Арюндель живешъ въ своемъ всегда домѣ близъ Шелзая, куда я и послала тотчасъ нарочнаго съ письмомъ, чшобъ она дозволила принять двухъ спранницѣ несчастливыхъ, въ томъ числѣ одного младенца, который по нѣкоторому праву долженъ пользоваться ея милостію. И та будешъ милость, естли приложешъ попеченіе о ея существованіи; промолвя приномѣ, что я прошу не увѣдомлять меня прежде, естли имѣешъ какое либо свѣденіе, доколѣ я съ ней не увижусь.

Не надолго я оставалась въ недоумѣніи, посланный мой воротился съ письмомъ же, которое исполнено радости и удивленія: „Прощу въ свой домъ, въ мои объятія, руки мои простираю къ вамъ и ко всей вамъ ей фамиліи . . .

ліи болѣе не могу вамъ изъяснить,
сѣ какою радостію ожидаю. „

Какова ни была ея благосклонность
и зовѣ, но я въ страхѣ находилась,
что Лади Арюндель не писала ко мнѣ
о сеспрѣ моей; однакожъ поспѣшала я
къ ней ѣхать по ея зову. Печальные
вспоминовенія были прерываемы удив-
леніемъ малой моей дочери, когда я
оставила Лондонѣ. Улицы, лавки на-
полненные вещьми, трудолюбіе народа,
были новымъ предметомъ ей. Когда я
ей о чемъ обьясню, она спроситъ о
другомъ. Сіе немалое увеселеніе ма-
тери, когда сопрягаются ея обьясне-
нія сѣ невинностію дитяти и полез-
ны къ наученію; но какъ я взирала
хладнокровно на шѣ воропы, въ кои
намъ вѣѣжжашъ надлежало, вспомя,
что проѣжжали мы ихъ сѣ любезнымъ
и несчастливымъ моимъ мужемъ? . . .
Увидѣлась я сѣ Лади Арюнделью, сер-
дце мое шакъ вострепешало, что я
не могла выговоритъ ни одного слова.
Вопль и слезы моей дочери текли ручья-
ми; добродѣтельная Лади обнимала по
меня,

меня, по дочь мою попеременно. „ Ахъ ! о чемъ ны и сія дама плачеше? Кажешся мнѣ , что мы прѣхали сюда благополучно. Будь ны счастлива, любезная, говоришъ ей Лади Арюндель ; а машь швоя весьма счастлива , имѣя такое дитя. Машильда! благодари даровавшее тебѣ Небо сіе ушѣшеніе ! Нѣшъ , моя неподобная благодѣтельница , ошвѣчала я съ воздыханіемъ , я не оскорбляюсь , но справедливосшь нудитъ проливать мнѣ слезы. Сей домъ , сіи покои возбуждаютъ напомиать мнѣ рвеніе. Здѣсь по самое мѣсто , гдѣ я опцу ея открыла свое сердце.

Слуги принесли разныя прохладенія. Лади Арюндель опложила до упра говоришъ мнѣ о сеспрѣ моей и моихъ пріятеляхъ , оказывая всѣ знаки дружества, касалось и до моего несчастія , коимъ я была удручена. Я вопрошала ее о сеспрѣ моей: по крайней мѣрѣ хопя бы сказали , жива ли она ? Она увѣрила меня , что жива , и споль счастливо живешъ , какъ должно ; больше мнѣ не хошѣла говоришъ

ни слова о ней. Всякое веселіе, какое мнѣ любезная пріятельница ни предсказывала, казалось мнѣ ничто, и сей день вѣкомъ мнѣ казался.

По утру рано въ первомъ свиданіи съ Ладією, неопшущно я просила сказать мнѣ о сестрѣ моей; она упорствовала въ прозвѣ мой. Изъ чего бы заключила я, естълибъ не предупредила она, что уже ее нѣтъ на свѣтѣ.

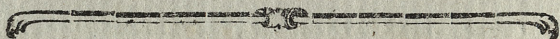
Сколько я ни крѣпилась, но медленность Лади Арюндели меня обезпокоила; потомъ подала она мнѣ разныя бумаги, между коими увидѣла я письмо сестры моей, цѣловала съ радости ея любезныя строки. Я могу, увы! на память сказать исторію какого оно было содержанія,oliko оно впечатлѣлось въ мое сердце.

Конецъ третьей Части.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА.
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЖИЗНЬ
ЭЛЕОНОРЫ,
Писанная къ Матильдѣ.

О ты дражайшая сестра! возлюбленная моимъ сердцемъ, хотя находишься въ неизвѣстныхъ мнѣ нынѣ мѣстахъ, но еще жива, бывъ жертвою злополучною твоей обязанности. Прими сіе начертаніе, естли оно дойдетъ до тебя; оно есть послѣднее свидѣтельство моея къ тебѣ любви, каковую я въ душѣ моея скрывала! О вѣрная подруга въ моея молодости, соравненная въ несчастіи нашего рока, равно какъ и по крови! теперь я открываю тебѣ, не обинуясь, тайну моего сердца,

да, похищенную твою спрась гордосцію и предразсудкомъ: не оуждай моего разсужденія; любезная сестра, когда оно покажется съ мыслию твоею не согласно, но замени оное, что я споль долговременно хранила, молчаніемъ жершвуя симъ. Нынѣ признаюсь, что не могла я терпѣть челоуѣка, который мнѣ предписывалъ законы, коимъ я и поднесъ не покоряюсь въ той надеждѣ, что шихосъ моя произведетъ швое спокойствіе; зная твою нѣжность, не хошѣла налагать шягосъ, кошорая, увы! спѣснишь могабъ твою душу горестію. Ахъ! я помню еще Вильяма, и опъ того времени доднесъ оспорожна бышь желала, между шѣмъ узнала каково хранишь шайну въ неизвѣстности. Я вошще примѣчала твою любовь и твою судьбу, всячески спаралась вывести себя яко свою сестру изъ подозрѣнія; можешъ бышь, увы! разлука намъ судьбою на вѣкъ опредѣлена. Еслили на сіе спидешъ Божіе благоволеніе, тогда не можешъ вздыхашъ мое сердце

о твоёмъ спѣшеніи; но не знаю, какое предчувствіе вѣщало мнѣ, что я не буду имѣть успѣха столь лестнаго опѣ моего скромности. Прими, еще повторяю я, сіе начертаніе, яко послѣдній опытъ мой кѣ тебѣ горячности. О милая и несчастливая сестра! прими аки нѣкоторое облегченіе, по тому что ты не одна терпишь злоключеніе.

Ты увидишь часть моей жизни; я желаю быть опкровенна и чистосердечна предѣ тобою, но Небу можетъ быть угодно пошому лишишь меня сего обожаемаго предмета и своей пріязни, что разныхъ свойствъ мы. О! прости Боже милосердный, когда заблуждаюсь въ своемъ мнѣніи! Оспановимся теперь на мало, Машильда! еспыли симъ воспревожена будешъ душа швоя, продолжи на вѣкѣ любовь свою ко мнѣ; понеже я ничего споль не жажду, какѣ единой опѣ себя ласковости.

Запишемъ мы сей достопамятный день, въ которой рѣшило Небо рокѣ одной

одной сестры, а другую ввергло въ смяшеніе, представляя нашимъ глазамъ фаворита Елисаветина, когото впечатлѣніе въ сердцахъ нашихъшой и другой содѣлало великую разнь. Весьма удивлялась я до сего часа, какъ два сердца союзны и одно другому соощвѣшпвуешъ, но въ семъ случаѣ разнообразно мыслила, чему наиболѣе удивляюсь; ибо въ тогдашнее время заключали разнo о его характерѣ. Правда видѣ и разумъ его порицашъ не можно, но пошерпише, что я хочу о немъ сказать, Машильда, имѣлъ онъ холодное сердце и какъ бы окамененное: пошому что едва не всю свою жизнь препроводилъ у Двора, будучи неограниченъ въ своевольствѣ, понокъ въ своихъ дѣйствіяхъ, спрогъ въ своихъ хотѣніяхъ, и не любилъ бышъ долговременно привязанъ къ предмету, дабы не обратишъ его по своей волѣ.

Вопъ каковымъ я замѣшила Лейсестера: гордъ, щеславенъ, перемѣчивъ, показывалъ все сіе предъ шѣми, въ

Томъ II.

Е

конхъ

коихъ влюблялся приспраспно. Въ такомъ-то видѣ онъ предспаль предъ швои глаза и шѣмъ прельспилъ швою юность. Симъ образомъ склонилъ себя въ любовь. Красота швоя обнадежила себя, что шы уловишь его сердце; я по сему самому и увидѣла Лейсеспера припадшаго къ ногамъ швоимъ. Злый часъ, въ кошорый шы была искушена его любовію, не попустилъ себя наслаждаться ею ни вполы. Увы! Машильда, видала ли шы искреннюю его любовь къ тебѣ? Но мню по справедливости, что сія любовь не иное что была, какъ несчастное спрданіе; а Лейсесперъ къ тебѣ привязанъ былъ спраспїю по одной красотѣ. Я можелъ бышь и похулена буду шбою, описывая его въ такомъ видѣ; но время пришворяшся уже прошло, а шеперь должно говорить правду. Ты же мнѣ пѣнять будешь, что я скрываю опъ тебя правду. Таково разсужденіе пусть тебѣ покажешся строго; но я въ томъ настою и объясню болѣе, пусть мои самыя по-

ложе-

ложенія покажутся безмѣрны и походящѣ на загадку.

Колико мы удивлялись, отецъ Антоній и я, неразумку введеннаго въ нашу пустыню столь опаснаго намъ гостя! Но еслибѣ благоразуміе заключалось въ любви, тогда бы судьба никогда не соединила тебя съ такимъ любовникомъ. Я же не сопротивлялась вашей склонности; слѣдовала вамъ до замка Кенильфорша, и удивлялась яко нѣкоей мечпѣ любовной, коя тебя столь сильно ввергла въ видимую тьмосность и ослѣпила швое внутреннее разположеніе, представляя лещь глазамъ швоимъ за искреннюю любовь, а еслибѣ разсмотрѣшь, шобѣ совѣмъ прошивное было видно: ибо Лейсесперъ уважалъ шу женщину, копорая по своей природѣ имѣетъ предъ нимъ преимущество.

Едва мы минули наглоспи злодѣятельнаго Вильяма, предъ копорымъ оказали свою низкоссть столь намъ постыдную. Но начало сему пало на меня, не по склонности моего духа,

который шѣмъ воспревоженъ былъ, по по единому снисхожденію. Лейсестеръ избавилъ обѣихъ насъ сего замѣшательства, да и самъ также избавился сего злодѣя. Но сей поступокъ казался мнѣ не благоразуменъ.

Правда, шѣмъ избавилъ онъ насъ страха; но не пришло ему въ умъ о его женидѣбѣ. Въ какія онъ опъ того впалъ опасности и омерзѣнія у Елисаветы, коя полюбивъ его, взвела на высокую степень; но онъ, презрѣвъ все сіе, заставилъ насъ шипъ шолкомъ въ то время, когда былъ въ случаѣ; а Королеву принудилъ лишь слезы и возвращишь въ замокъ Кенильфорштъ.

Но не удачно же ревность Елисаветина проникла, однако же привело въ смяшеніе неразумнаго фаворита. Вошше онъ старался насъ укрывать, представилъ насъ аки дѣковъ ему подвластныхъ, которыя служатъ ему будто ради увеселенія; но глаза Королевы сущь пронцашельны, не могъ ся обманушь; и всеобщій гласъ слышанъ былъ,

былъ, что мы не крестьянки, чѣмъ ввелъ онъ въ насъ новую испорцію. Внутренно мнилъ, что Елисавета се-му и повѣрилъ; а тѣмъ паче умножилъ несчастіе и вліялъ въ ея сердце наше существованіе, предавши во власть нашей непріятельницы.

Какое странное состояніе, когда я о себѣ помышлю видѣшь то, чего не видали, наказываешься за то, въ чемъ не виноваты, бывъ похваляемы безъ заслугъ. Словомъ, мы предъ всѣми не иное что были какъ привидѣніе. Большею частію были окружены шпионами, и не могли спускать единого шагу спокойно предъ глазами Государыни ревливой, гонимой насъ винить безъ погрѣшности, чего намъ стоило избѣгать всякаго рода подозрѣнія! Едина намъ свобода, что мы могли сдружиться съ нѣкопорыми вѣрными друзьями; да и сіе политически ограничилъ Милордъ, который запрешилъ, чтобъ мы не имѣли содружества съ любезными его.

Сей молодой человекъ, сестрица, не иной кто былъ, какъ Графъ Эсексъ. Лади претовала отъ него, чтобъ онъ отвѣчалъ на то къ неизвѣстному предмету съ искренностію подъ именемъ Эглея. Онъ и писалъ такъ; но ей хошѣлось, чтобъ и я къ нему писала подъ шѣмъ же именемъ; должна была и я отвѣчать такъ. Одинъ разъ было между нами такое сношеніе; однакожъ я взирала на то неушѣшно, и на всѣ любовныя письма, которыя мнѣ случалось читать, удивлялась и плакала, и вверглась прошивъ своей воли въ нѣкоторую задумчивость. Правда, говаривалъ отецъ Антоній, что никогда любовію шутить не должно.

Еще и того глупѣе. Эсексъ давно уже былъ помолвленъ на дѣвицѣ Валсигамъ, когда прибудешъ въ Англію, то бы на ей женился; я же примѣнила и то, что сей молодой человекъ былъ шѣнь швоего Лейсестера, и что онъ очень зависалъ отъ него. Ешья Милордъ видѣ холодный по-

ка-

кажешь, тогда онъ совѣмъ умолкнешь; но я малое вниманіе имѣла на сіе обстоятельство.

Пошомъ Эсексъ позванъ былъ въ Англію; уже я сего не могу понять, почему я почувствовала внутренно смященіе, и увѣрила себя, что мнѣ не противно его увидѣшь. Такъ на-твердила о немъ Лади Пемброкъ! весьма же боялась я провинція Елисаветина, а еще пуще примѣчанія Лейсестерова. Незапно случилось мнѣ бышь у Двора; какъ Эсексъ былъ пред-ставленъ, прошла я тогда мимо его споящаго съ Ладією Пемброкъ: просила я Пемброку, дабы она его по причинѣ переписокъ не называла его Эсексомъ и Эглемъ. Пемброка сказывала, что Эсексъ ее просилъ часто, дабы ему видѣшь шу хошя разъ, которую онъ обожаетъ; но она опзывалась, что она самая, съ которой онъ обрученъ; да припомъ дала мнѣ слово, что она впередъ сего дѣла шушкой не поведетъ. Въ самой шомъ вечеръ было великое собраніе, и имя Эсексово слышно было

всю-

всюду. Мисъ Валсигамъ шоржествовала, что имя ей обрученнаго всѣ произносили похвалами. „ Я думаю, — что не долго по будешъ говоришь Лади Пемброкъ. „ И пошчасъ, поглядя въ окошко, вскрикнула: Вотъ онъ; я было подошла къ окошку, чтобы по увидѣшь, но не знаю, какъ удержалась. Лади Пемброкъ не могла быть безъ дѣйствія, и пошчасъ выдумала произвестъ разговоръ общій и тихій; пришло ей въ мысль посадить всѣхъ дѣвокъ рядомъ, и какъ Эсексъ не зналъ себя еще назначенной по своемъ прибытіи, то и долженъ былъ ее опыскивать самъ между всѣми. „ Его сердце, говорила Лади Пемброкъ, доведешъ прямо до той, которая ему судьбой опредѣлена. Вся компанія сіе приняла съ похвалою; но я пренепа-ла внутренно; ибо Мисъ Валсигамъ уже обручена Эсексу еще въ дѣтскихъ лѣпахъ не по выбору, но для примиренія между двумя фамиліями. Начальныя спрөгоспи ея мащери содержали дѣвицу долгое время отъ двора

во удаленіи; но смерть ея дала ей волю. Природно была она смѣла и всякую опасность сшивала ни во что, да къ шомужь по красотѣ своей окружена была шолпою искашелей, дабы произвесть въ ней склонность къ любви, а гордость въ ней произвела легкомысліе. Не имѣла она склонности ни къ кому, кромѣ Сирѣ Филиппа Сиднея, кошорый наклонилъ ея сердце.

Такова дѣвица Вальсеингама съ радостью приняла предложеніе Лади Пемброка. Ахъ! Машильда, могуль я тебѣ объяснить, въ какомъ я шогда была состоянїи, уже не такъ, какъ его портретъ видала. Онъ былъ очень молодъ, но въ видѣ молодости его являлись всѣ прїятности; сложеніе его являло чувствительность. Возрѣлъ онъ на меня такъ стремительно, что поразилъ мое сердце; началъ говорить: миѣ казалось споль прїятно, что въ первый разъ слышу таковой разговоръ. Очень я боялась, что не явенъ ли былъ спыдъ на лицѣ моемъ; по-

никнула свои глаза, но и шутъ мнѣла, что онѣ видѣшь мое сердце. Ухоми я слышила его прѣяшній голосъ, чтобъ другіе того не вслушались.

Засмѣялся онѣ разположенію Лади Пемброковой; однакожъ повиновался, всѣхъ насъ обозрѣлъ. Небо! въ какое я впала замѣшательство, когда почувствовала, что онѣ взялъ мою руку и поднесъ къ своимъ устамъ въ томъ будшо мнѣніи, что это я была его обрученная! Сдѣлался отъ того великій смѣхъ, чѣмъ паче Лади Пемброкъ произвела во мнѣ великую расстройку. А я не могу сказать, что уже тогда было, только помню, что смѣялась въ полъ-смѣха; но не помѣшалъ мнѣ взглянуть на него съ отличнымъ взоромъ. Веселость произошла шумная, отъ чего и онѣ вошелъ въ смяшеніе; но онѣ держалъ меня за руку, обвиняя въ смущеніи и замѣшательствѣ. Я просила его усердно простить, что онѣ ввелъ меня въ столь прѣяшное посмѣяніе, и что онѣ такъ сдѣ-

сдѣлалъ по волѣ дамъ ; однако про-
молвилъ шихонько: „ Какова бы ни бы-
ла власть его ближнихъ , но не упу-
щу шой , къ кошорой его сердце на-
клонно. „ Потомъ ему представили са-
мую его невѣсту , кошорой онъ покло-
нясь , въ рѣчи запинаяся . И такъ онъ
подходилъ къ каждой дѣвицѣ только
для удовольшворенія съ объясненіемъ
въжливости ; но безпрестанно обращалъ
свои глаза ко мнѣ съ чистосердечіемъ ,
коимъ являлъ свою склонность .

Оставя я Ладію Пемброкъ , по-
ѣхала ко Двору , но съ шаковою же
спрасшію , какову я иногда осуждала ,
и всегда спаралась ее шебѣ опкрышь .
Но какъ вы тогда были огорчены по
причинѣ ревности Лейсестеровой , оп-
носительно къ Сиднею , то не опважи-
лась умножить еще швоего смущенія ;
но спрасшь такъ объяла мою душу ,
что самый дворъ казался мнѣ шюръ-
ною : однако положась на судьбу , весь
свой взоръ обратила къ своему пред-
мету .

Ревностно старалась свою мысль обратить къ тому, какимъ бы образомъ успокоить себя съ Лейсестеромъ, о чемъ вы оба страдаете; но осталась въ томъ безуспѣшна.

Любовь, товаривалъ овецъ Антоній, подобна извившейся змѣѣ; чѣмъ бочьше мы щимся ее шить, тѣмъ паче она разитъ и держитъ сердце въ заключенныхъ оковахъ. Впуне я обращала свои взоры къ облакамъ, дабы пали на наше существованіе. Но амуръ освящалъ грозныя тучи небесною дугою; а Эсексъ страдалъ, взирая на общее наше несчастіе. Правда это, что сердце чюгда бываетъ въ особомъ движеніи, когда любовь приметъ власть.

Въ слѣдующій день Лади Пемброкъ прислала свою карету, дабы я къ ней пріѣхала на часъ, какъ мнѣ свободно будетъ. Я тотчасъ поѣхала и заспала ее одну въ комнатѣ. Освѣдомилась о ея здоровьѣ, кое было не сумнишельно; понеже она очень была весела и паче обыкновеннаго въ тотъ день.

день. Я сѣла подлѣ ея. Имѣю, я моя любезная, сказала она, усмѣхаясь, говоришь съ шобою о крайней нуждѣ. Чтобы такое отвѣчала я. . . . Со времени нашей дружбы я положила намѣреніе, чтобѣ тебя сочетать съ Лордомъ Эсексомъ, который, какъ мнѣ кажется, достоинъ своего сердца. Я совѣтовала и съ мужемъ моимъ; и мы согласны доставить паспуха, какъ въ фабулахъ пишушѣ, поговоришь съ паспушкой Еглей наединѣ. . . . Покиньте шушить, я прошу васъ, Миллдія; вспомни, что ты мнѣ обѣщала. . . . Это не шушка, отвѣчала она; будь увѣрена, что правда: Вы знаете, сколько я чувствительна. Вы любите другъ друга, не объясняясь. „ Ахъ! вы очень судите строго, отвѣчала я ей усмѣхнувшись. Но, о! когда бы то было вправду? . . . Такъ, правда, говоришь она, что шелько стоить мнѣ отворить дверь. . . . И шопчасъ вставъ отворила свой кабинетъ, и я увидѣла Эсекса. „ Милордъ, говоришь она, самъ изъясняй свою печаль; а чтобѣ

не мѣшавъ, вырвавъ свое плащье изъ моихъ дрожащихъ рукъ, Лади Пемброкъ пошла въ другой покой въ замѣшательствѣ. Я, оставшись съ нимъ наединѣ, спала не рѣшима, покушалась, чшобъ и мнѣ уйти; но онъ, ухвативъ меня за плащье, держалъ. По нѣкоторомъ укореніи я принуждена была сѣсть, и не могла возрѣшь на его; наблюдала шихость смущающуюся въ моемъ сердцѣ. Услышала я въ первый разъ отъ него сіи слова: „ Элеонора! я тебя люблю. . . . „ Но позвольте изъяснить мою преданность, которая вамъ еще нова покажется. Выговоря шакъ, наалъ на колѣни. О наивозлюбленная изъ всѣхъ вашего полу! первый самый взглядъ пронзилъ мое сердце; единой минушой посѣлилась вѣчная спрасъ въ душѣ моей. Послушность моя родительской волѣ мѣшаетъ прервать вдругъ союзъ, который мнѣ онъ предложилъ: однакожъ нудитъ меня оставить всѣ преимущества, кои нужны для нашей жизни. Отецъ мой, будучи въ глубокой старости, лилъ невинныя

СВОИ

свои слезы и имѣлъ великое спараніе подкрѣпить мое состояніе. Онѣ хотѣлъ, чтобъ его сынѣ благоденствовалъ паче, нежели самѣ. Время удивляло его надежду и меня заключило въ ничтожномъ положеніи. . . Теперь вы видите, любезная Элеонора, что не могу поступить иначе, какъ оказать себя неблагодарнымъ, опвергнувши вдругъ союзъ моего благодѣтеля, человѣка такого, которому я долженъ. Хотя я и самѣ давно примѣшилъ надменный той дѣвицы поступокъ; но къ сожалѣнію моему Лордѣ Лейсестерѣ долго не возвратился изъ Англій. Между тѣмъ легко можетъ спастись, что Мисѣ Вальсингамъ избересть другаго по своему желанію, доколѣ я ко двору не возвращусь. Знаю при томъ, что она влюблена въ Сиднея и конечно за него выдетъ. Пусть друзья съ моей и ихъ стороны нарушатъ сами договоръ нашъ. Я знаю же и разположеніе Сиднеево, которымъ онѣ рѣшилъ судьбу фамиліи Вальсингамовой; но есльи вы презрите просьбу такого

человѣка, который рожденъ обожать васъ, всеусердно прошу, государыня, увѣдомишь о помѣ, какихъ мыслей ты о Сиднеѣ. Извинишь, государыня, мое любопытство, не подумайте по-то, чптобы я желалъ вмѣшаться въ ваши интересы; мое разположеніе таково, чпто хощь сей часъ готовъ подписать договоръ, только прикажишь.

Сей пошъ обременилъ меня вольностию и увѣреніемъ, чего ради была принуждена говорить съ нимъ откровенно. Я не отрицаю вашего предложенія, которое по видимому происходитъ отъ чистосердечія; и потому была принуждена рассказать ваше похождение съ Сиднеемъ. Глаза его и уста мнѣ свидѣтельствовали несказанную радость и увѣреніе его о любви. За симъ мы начали говорить о Лордѣ Лейсесперѣ; но видя, чпто уже я очень сдѣлалась откровенна, по прервавши вдругъ рѣчь, заговорила о вашемъ замужствѣ; одумавшись, чпто ввѣряюсь я не разумно, замолчала. И такъ быди мы долго безмолвны; онъ примѣшя

мое

мое смятеніе, сказалъ мнѣ съ видомъ жалоспнымъ: разсмотрише, любезная Элеонора, достоинъ ли я швоей довѣренности? Кшо знаешь, сказалъ онъ пронически, можешь и обманываю я тебя? . . . Но увѣряю, что тайна шбой мнѣ вѣренная, не иное что будетъ какъ пятость на моемъ сердцѣ. ,, Я увидѣла, что сія рѣчь весьма его огорчила, и голосъ его шрепешалъ. Такова нѣжность уже воспрешила мнѣ молчанш. Самыя права перебуяшъ любовника, шшобъ его любовница доказала чистосердечное любви признаніе; въ прошивномъ же случаѣ возмнншъ онъ, что его аки невѣрнаго пріемлюшъ. . . . Мысль сія возбудила во мнѣ исполншъ его шребованіе; и шакъ рассказала ему всю исторію, наше рожденіе и наше воспитаніе подземное, и какимъ случаемъ Лордъ Лейсестеръ на шобѣ женился, предешавленіе наше къ Королевѣ: все ему открыла; шѣмъ сокровенность вся изчезла, шмѣ оправдала всю мою пшшину. Тако, Машильда, швой любовникъ иначе

бы не принудилъ предъ нимъ во всемъ признашся.

Такова сокровенность утвердила нашу спрась. Просила я Эсекса, дабы онъ хранилъ нашу тайну въ молчаніи, коль прямо рушишся супружество съ Мисъ Вальсингамою: тогда мы можемъ свершить наше обязательство. Тѣмъ временемъ Лади Пемброкъ вошла и увидѣла веселость на глазахъ нашихъ. Вопросила меня со усмѣшкою: думаюль я впредъ убѣгашь Эсекса. Я ее обняла вмѣсто отвѣта; съ тѣмъ мы разспались, будучи довольны нашимъ свиданіемъ.

Пошомъ я весьма удаллась отъ Вальсингама, дабы мнѣ ее не видать, почиая ее за препону нашего союза. Отселъ, моя любезная сеспра, поведеніе Лейсестерово спало мнѣ не сносно и мучительно; ибо онъ во всякомъ случаѣ колебалъ мою душу и сердце, всегда насъ разлучалъ.

Свадьба Спра Филиппа Сиднея всегда была въ памяти Эсексовой, пошому что я отъ его удалена была,

и онъ въ томъ поступилъ было неблаго-
 разумно, намѣреваясь открытъ сію
 тайну Лейсесперу, чѣмъ льстилъ се-
 бѣ опъ его получить помощь; но раз-
 судя, что таковое дѣло раздражитъ
 паче своего мужа, и шѣмъ дѣйстви-
 тельно возбудишь своего непріятеля
 прошивъ себя. Я всѣ способы употре-
 била, дабы отвратишь его опъ тако-
 ваго намѣренія, и довела до того, что
 онъ умолкъ. Сіе происходило тогда,
 какъ Лейсесперъ предлагалъ мнѣ Лор-
 да Архинепона, спрямца слабата, да и
 еще принуждалъ къ сему меня.

Молчала я о таковыхъ намѣре-
 ніяхъ; но онъ о семъ обстоятельно про-
 вѣдалъ. Эсексъ, движимъ будучи спра-
 хомъ и опчаяніемъ, далъ мнѣ знать,
 дабы я, сколь можно, прошивилась сему
 браку, намѣреваясь наградишь меня и
 себя благополучіемъ.

Ласковость моя обязанная къ вамъ,
 сестрица, понудила меня сопротив-
 ляясь сему намѣренію; для того я
 разположилась видѣться въ домъ Лади
 Пемброка со Эсексомъ, дабы укропишь
 его

его злобу и возбудить терпѣніе, доколѣ кончится сраженіе въ Индерландахъ, увѣряя его, что всеконечно я до его прибытія никакъ не согласусь на замужство и не сдѣлаю препоны его намѣреніямъ, и что нѣтъ челоуѣка, которому бы я была обязана таковою страстію, каковою ему. Такимъ образомъ ушолъ я его гнѣвъ; при расставаніи же просила его, дабы онъ, слѣдуя моей просьбѣ, предался терпѣнію.

Объята я будучи таковыми чувствованіями, подъ видами разными, всѣ мои мысли спремилась къ компаніи. Получала я отъ Эсекса письма чрезъ руки Лади Пемброкъ, коими печаль моя облегчалась; онъ увѣдомлялъ меня, что мужъ швой былъ благосклоннѣе, хотя внутренно и видна была его власнь, но онъ ее такъ упошреблялъ, что Эсексъ не имѣлъ причины жаловаться на него: но я всегда находилась въ безпокойствіи, взирая на прошивныя происшествія. Напоследокъ предала себя въ волю неба до того

часа, въ который меня аки громъ поразилъ о швоемъ состоянїи и о незапомъ возвращенїи Милорда Лейсестера по первому извѣстїю о швоей беременносши. Пришворность, кою онъ оказалъ Елисаветѣ, изъяслена была въ нашемъ присудствїи. Видно было на глазахъ Елисаветы, что она примѣчала, которая изъ насъ была женою Леейсперовою. Всѣ сїи споль спранныя и неожидаемыя обстоятельство произвели то, чего я описать не въ силахъ.

Ты меня оставила, естли припомнишь, въ покояхъ Королевиныхъ; вшедъ я въ швои не нашла тебя, и съ нетерпѣнїемъ слушала послѣднїй разговоръ Лейсестера съ Королевою. Въ то время служитель Лади Пемброки съ ужасомъ пришедъ говорилъ мнѣ, что преждевременные роды приводятъ ее въ опасность; а можетъ быть, доколѣ говоримъ мы, вдругъ она испустишь свой духъ. Вѣспникъ сей, по тревоживъ меня симъ извѣстїемъ, поспѣшилъ, чтобъ я немедленно къ ней
ѣха-

ѣхала. Я бросивши всѣ нужныя письма, державшія въ рукѣ, пошчасъ поѣхала съ нимъ. Ходя по покоямъ не нашла ни одной женщины, коей бы могла сказать о своей оплучкѣ; а коль скоро я вышла изъ дверей, то сей вѣспникъ мнѣ сказалъ, что я обмануша. За шѣмъ подалъ мнѣ письмо, копорое я по почерку узнала, что оно отъ Эсекса, отъ чего такъ запряслась, что насилу могла споять. Какъ бы ему можно пріѣхать въ Англію, въ себѣ я разсуждала? Какая надобность? . . . Разпечатала я его; оно писано было безъ имени; по какой причинѣ онъ писалъ; что скажетъ самъ, за чемъ онъ пріѣхалъ, и необходимо нужно, дабы никто о томъ не вѣдалъ, ниже Лордъ Пемброкъ; но проситъ именемъ искренней дружбы, чшобы его спасла отъ опчаянія. ѣхала я съ подашелемъ сего письма; ибо той минутою рѣшился судьба его. Я разсуждала, какъ онъ могъ отъѣхать безъ воли Королевиной, развѣ меня извлеци изъ порабощенія, въ копоромъ я нѣсколько
лѣтъ

лѣшѣ спражду. Мыслила же и то, что Лордъ Лейсесперѣ намѣревался увезти меня во Францію, или почтѣе, увы! мы не думали ничего.

Сѣла я въ лодку, которую мнѣ слуга указалъ, и поплыли съ великою скоростію внизъ по рѣкѣ. Во время плаванія внутренно я спрадала и тысячу мыслей воображала о незапномъ прибытіи Графа, но не могла понять ничего. Уже мы прибыли въ Грейнъ, и пристали къ уединенному саду Графа Сушгампонова. Я введена была въ спавку поставленную на берегу рѣки, гдѣ нашла Эсекса одного, блѣдна, волосы всклокочены; шакже и его плашье измято, словомъ, со всѣми знаками труда, безпокойства и усалости. Онъ меня весьма благодарилъ за послушаніе. Я его стала спрашивать, что значилъ столь важное письмо и требованіе поспѣшное? По нѣкоторомъ увѣреніи любви его и спраснаго восхищенія меня видѣшь, увѣдомилъ, что то спрахъ произвелъ; опасности нѣшъ, что я въ Англію пріѣхалъ.

Я

Я между началія воленъ. Чрезъ прїятелей Лейсесперовъ узналъ я, что онъ былъ увѣдомленъ изъ Англіи письмами, копорыя привели его въ великое змущеніе; почему и взялъ намѣреніе, оставя команду, ѣхашъ ко Двору. Извѣстясь о шайномъ его разположеніи, Эсексъ разсудилъ ѣхашъ съ нимъ же; но скорая ѣзда Лейсеспера навела страхъ на Эсекса. И хотя находился въ спрахѣ и опчаянїи, но скоро все прїугошовилъ для своего возвращенія. Когда же увидишь какую нибудь опасность, въ такомъ случаѣ поступашъ ему аки его намѣстику, ожидая отъ него, что онъ такой человекъ, копорый со временемъ заступитъ его мѣсто. Такая великодушная довѣренность хотя не совѣмъ благо разумна была, какъ я въ себѣ разсуждалъ; но чувствительна она была моему сердцу. Признался я, что не опчаеваюсь того, что и онъ самъ не возвратился бы скоро. Тогда ему исполковала я, почему скорый отъѣздъ былъ Лейсесперовъ. Признаюсь, что и

я нахожусь въ великой опасности и должна бѣжать съ вами во Францію. „ Небо! говоритъ онъ: какъ ѣхать во Францію! покидаешь Англию! Какъ же я могу тебя испишишь изъ рукъ Лейсесперовыхъ? Ахъ! Элеонора, вся моя надежда исчезнетъ, когда ты предпримешь сіе путешествіе; и онъ какъ былъ движимъ отчаяніемъ сего положенія, что уже не могла я его успокоить ни увѣреніемъ моей любви, ни вѣчною вѣрностію. . . . „ Я лишаюсь и лишился навсегда, вскричалъ, ежели ты поѣдешь съ Лейсесперомъ во Францію. Сей его уже послѣдній былъ отвѣтъ на мое открытіе — „ Вотъ послѣднее рѣшеніе судьбы нашей; постараемся, любезная Элеонора, предположивъ, что трудно тебѣ сопротивляться волѣ Лейсесперовой. Королева уже подозрѣваетъ, что я тебя люблю; пусть Лейсесперъ поступаетъ, какъ хочетъ: пако, дражайшая Элеонора, ты препоручаешь свою и мою судьбу въ руки человѣка, который

никогда не согласишься на союзъ нашъ. Но еспьли вы ѣхашь не согласишесь, шѣмъ вы ввѣрите себя человѣку, о которомъ вы сами знаете, что любите его спрасшно, и который шебя любипѣ паче своей жизни. Ты будешь внѣ ошечества! Какъ знашь шу минушу, вѣ которую мы увидимся впредь! Еще ли шы не довольна, что Лейсесперѣ ввергѣ шебя вѣ такое мѣсто, какъ ему угодно было? За шѣмъ обилѣ мои руки своими слезами, прилагая ихъ шо къ своимъ усшамъ, то ѣ сердцу.

Какое движеніе происходило вѣ душѣ моей! презришь его прозьбу пребовалѣ сего разсудокъ; а сердце вѣщало послушашь. Увы! лучше, думаю я, слушашь сердца; но предстопишѣ страхъ бышь предметомъ любви, испытавѣ несчастіе: сіе еще помрачитѣ блистающую его форшуну; а можешѣ и пролѣешѣ кровь вѣ началѣ его счастья. Притомѣ пришло вѣ мысль несчастіе сесипры моей, вѣ которое ввертала она себя безразсудно; да и мое

обстоятельствъ таковогожѣ положенія. Всѣмъ опасностямъ я подвергаюсь; се-
му есть вѣрное доказательство, что
послушность моя неизбежно повер-
тнетъ его въ горькую печаль. И такъ
я приняла намѣреніе ошказаться, хо-
тя мнѣ и дорого то будетъ стоить.
Исполняя сего разположенія, готова
была выговорить Эсексу, что онъ
того опрекаюсь, и что его благопо-
лучіе есть тому причиной, увѣряя
его спокрашно, что не меньше для
меня будетъ пріятносшей видѣть свой
предметъ во удивленіи всего Государ-
ства, зная и то, что его сердце все-
гда моимъ быть можетъ, и есть путь
къ счастію, когда онъ составитъ его
въ такихъ молодыхъ лѣтахъ. Како-
вожъ былобъ мое сожалѣніе, ежели бу-
ду ему помогать въ томъ, отъ чего
онъ будетъ погруженъ во мракъ и пе-
чальное состояніе. Напура, говорю ему
я, укрѣпивъ мою силу ожидаю, когда
придетъ время увѣнчать наше благо-
получіе; не могу снести того, чтобъ
едина любовь ограждала нашу жизнь...

Терпи, Милордъ; прерывъ нашей разлуки, мужеству аки воинъ, чтобы навсегда повиноваться гласу твоего сердца, не опасайся препонъ, ожидай сладостнаго успокоенія впрелдъ, когда нынѣ не доспаетъ; я внутренно чувствую имѣть удовольствіе нашего счастья: непорочность веселитъ меня. Я бы никогда не послушала Лейсестеровой воли; понеже я ему ничѣмъ не должна. Хотя сестра моя того и желаетъ, но ожидаю удобнѣйшаго случая. Я уже привязана тебѣ союзомъ, токмо пусть церковь утвердитъ право, кое ты имѣть будешь надо мною; а иначе виновна буду паче, нежели прелюбодѣйница. Ежели посягну я на другое супружество, возвратись въ полѣ, мой любезный Эсексъ, храни коль можно твое опсудствіе, отъ всѣхъ хранись паче, дабы не свѣдалъ того Лейсестеръ, не подавай ему ни малѣйшаго подозрѣнія; сказавши пакъ, вырвалась изъ его рукъ. — Ахъ! поспой, побудь еще любезная и мной обожаемая Элеонора. Ахъ! подумай, что ты

шы разсталась со мною навсегда; глаза мои видяшъ тебя въ послѣдній разъ. Никогда, никогда не можешь ты назваться моей супругою. . . . Съ такимъ-то восхищеніемъ меня онъ поражалъ, и во изступленіи горько плакалъ, когда я бѣжала отъ его; бросилась я къ своему судну, и видѣла, что онъ еще стоишъ на терасѣ, простирая ко мнѣ руки; а я покрывъ свои глаза каперомъ, велѣла плыть гребцу въ Англію.

Таково было сраженіе, кое я вытерпѣла; такова ша была побѣда, кою я одержала. Мое сердце чувствовало, что я слѣдовала своей должности и душа моя воспріяла силу, прѣѣхала ко Двору. Теперь позволь мнѣ, сестрица, сократишь сію повѣсть; благодарила я судьбу, копорая мнѣ помогла принять сладкое увеселеніе. Въ Лондонѣ я ворошилась, спусня нѣсколько часовъ, какъ ты и Лейсестеръ уѣхали; проходила я такими мѣстами, что никто меня не видалъ: такимъ образомъ избѣгла я караула, копорый приспа-

вила Ладн Арюндель у дверей моихъ повоевъ, дабы примѣшншь мой возвратъ и задержашь меня; другіе всюду искали меня по Лондону.

Боже! въ какой я тогда впала восторгъ, вступя въ покой, въ которомъ увидѣла нѣсколько караульныхъ присланныхъ Королевою, нашедъ въ разстройкѣ всѣ наши приборы; все знаменовало опасное слѣдствіе, объялъ меня великій ужасъ: иные кричали меня видя, другіе вели къ Королевѣ. Я вопрошала: гдѣ моя сестра? Ошвѣчали мнѣ, что они поставлены ради меня на стражѣ. Въ мигъ явился Офицеръ отъ Королевы, который имѣетъ повелѣніе представить меня къ ней. Я просила, чтобы онъ далъ время собраться съ мыслями на малой часъ, но онъ не согласился. Всѣ мои мысли собрались въ голову, настоящія, прошедшія и будущія съ великимъ страхомъ. Безобразна, преисполнена безчестія, не имѣла силы выговорить слова, введена какъ пресшупница въ кабинетъ къ Королевѣ, коя уже имѣла

видѣ

видѣ надушый , глаза воспламененны ; топчасѣ велѣла она вышши всѣмѣ вонѣ, только остались Лордѣ Бюрлейгѣ и спарая Лади Лашимера зришелями. Тупшѣ казалось мнѣ , что я вижу смершь предѣ собою ; тогда-то я помыслила, что имѣю явное доказательство о своемѣ рожденіи. Вы припомнише , что я всегда для всякаго случая носила съ собою оное у своихѣ грудей, привязаѣ на небольшой лентѣ. О Машильда ! о Эсексѣ ! какѣ бы вы сжалились на меня , ешъли бы увидѣли меня въ сей часѣ.

Елисавета изрыгнула всю свою ярость, и изчерпала всѣ ругательства. Милордѣ Бюрлейгѣ опасался , что таковое воспаленіе приведетѣ меня во изшупленіе, и доведетѣ до того, что я буду молчать ; а чтообѣ легче извѣдать истинну, предспавилѣ Королевѣ, дабы ему меня допросишѣ. И такѣ сдѣлалѣ мнѣ разные допросы , точно касающіеся до проэктовѣ Лорда Габинешона ; ибо подозрѣвалѣ, аки бы Лордѣ Лейсесперѣ былѣ въ томѣ же умыслѣ.

Я

Я отвѣчала на все чистосердечно; а единственно берглась скрывать о своемъ рожденіи и связи съ Лейсесперомъ. „Ахъ! бездѣльница, вскричала Елисавета, воззрѣвъ на меня яростнымъ окомъ: ты осмѣливаешься скрывать супружество твоей богомерзкой сестры съ своимъ бездѣльникомъ, и не хочешь признаться справедливо. Смоди, говорила она, показавъ мнѣ бумагу на столѣ, онъ самъ ко мнѣ пишеть; сказывай правду и конецъ всего дѣла, или хочешь подвергнуть себя испязанію.

Едва я вынесла столь жестокой гнѣвъ и печаль, которыя меня ошягощали. Извѣстно тебѣ, что Лейсесперъ бѣжалъ потому, что не было ему иного способа спасти себя, какъ побѣтомъ; слѣдовательно и сестрѣ моей съ нимъ бытъ надлежало, а меня покинули яко жертву. Я не сдѣлала никакого пресупленія, почему залилась слезами; дыханіе мое насилу переводила. О! Эсексъ, въ сей-то часъ вспоминаю тебя; твое послѣднее вос-

кличаніе теперь въ моихъ ушесахъ, и душа моя всунѣ борится прошиву несчастій.

Не огорчайся еще, моя любезная Машильда, чистая сіе извѣстіе раздирающее швое сердце. Скажи Лорду Лейсестеру, естли онѣ живѣ, что прощаю я его за то, что онѣ предалъ меня въ руки сей Фуріи, а вы ее избавились.

Королева увидѣла шу ленточку, на которой привязано было свидѣтельство нашего рожденія; мнила она, что это былъ какой либо портретъ. Велѣла женщинамъ снять ленту съ моей шеи. Они выхватили записную книжку, въ которой дражайшія записки лежали со всѣми моими переписками съ Эсексомъ и подали ей. Когда она прочла все, въ шотъ самой часъ она опомнилась. Я почувствовала паче волненіе въ душѣ моей, а Королева ушла; на лицѣ ея казалось удивленіе и страхъ. Сдѣлалась она стольже блѣдна, какъ и я, руки ея дрожали, лю-

боязливо взирая на черты лица моего; пошомъ изодрала въ мѣлкія частии бумаги, найденныя въ записной книжкѣ.

Тогда во мнѣ сдѣлалась премѣна, и я могла думать, что Королева уже не желала болѣе меня допрашивать. „Говорить она Офицерамъ нѣкоторымъ: отдаю вамъ на опеку эту женщину и подѣ присмотрѣ. Отведи ее въ мой кабинетъ, чтобъ никто ее больше не видалъ, да и говоришь съ ней никого не допускай. Повинующіеся рабы ея приказаніе исполняли въ точной силѣ. Настала ночь, двое Офицеровъ по обѣ стороны сидѣли подлѣ меня. Отъ Королевы въ полночь были присланы караульные и велѣли мнѣ слѣдовать за ними. Я съ трепетомъ повиновалась; посадили меня въ носильню и помчались. Я уже не знала, куда такъ несена была двое сунки безъ останова.

Въ первой день я была подѣ карауломъ, а во второй отдали меня подѣ присмотрѣ Лорда Бурлейга и его

людей. Тогда внутреннее волненіе нѣсколько поуспокоилось и разсудки спали обращаться; но еще не дошли до того, чѣшбъ я вспомнила о сестрѣ моей и Лейсесшерѣ, а любезный Эсексбъ всегда находишья предѣ мои ми глазами. „Для чего я отвергла великодушныя предложенія сего молодато и мнѣ любимато челоѣка? Сему причиною неблагодарная сестра моя, за которую я стражду. Въсво того, чѣшбъ живъ мнѣ безопасно, руки мои носятъ оковы.

При наступленіи ночи вторато дни воспала великая буря съ ужаснымъ громомъ и молніею. Дождь и вѣшеръ принудилъ насъ искать убѣжища въ кустахъ густой роци. Тогда шолпа разбойниковъ напала на людей Лорда Бюрлейга, кои взяшы ими и приведены въ самую густошу лѣса. Буря облегчилась и нѣкоторый свѣшбъ мѣсяца проникалъ шучу. На всѣ стороны я озиралась, не увижуль какогю жилища; но кромѣ густошы лѣса не было ничего. Подумай, Машильда! дверь

нашего подземелья , да дверь со стороны гробницъ вскричала я пронищательно. Одинъ изъ разбойниковъ услышавъ подошелъ къ носильнѣ и подхватилъ меня на руки паче мертву, нежели живую, а Бюрлейга съ ошпашкомъ людей вязали.

Увы! сестрица, суди о погдашнихъ моихъ душевныхъ волненіяхъ, кои ты иногда испытала. Что же скажешь о моихъ, и гдѣ я образумлялась? въ залѣ нашего подземелья! Сіе жилище посвященное на молитву ошцу Антонію и присудствію Мистрисъ Меллы! мѣсто, на копоромъ иногда смѣялась, а иногда проливала и слезы, размашривая портреты родителей нашихъ, нынѣ спало гнусный вертепъ! Стѣны измараны тысячами фигуръ безобразныхъ, копорыя ничто иное представляли, какъ мерзское жилище.

Всякіе страхи я испытала; но не были сравнительны съ сими., Сестра моя въ шюртѣ, съ воплемъ воскликнула я! Любезная Машильда, ты нѣжна-

то сложенія; какъ можешь снести свою печаль? Теперь ты во всеконечной слабости. Какъ можешь ты быть жива въ такомъ порабоженіи? Увы! Господа! выговорила я имъ падши на колѣни: еспьли еспь оспапокъ челоувѣколюбія, проводише меня къ сеспрѣ моей; пусть она умретъ въ рукахъ моихъ. „ Всякой вещи свое время, женщина, опвѣчалъ мнѣ одинъ споль грубымъ голосомъ, что я принуждена замолчать.

Лордъ Бюрлейгъ непремѣнно былъ имъ предметомъ. Отягощали они его то великими угрозами, то упреками; а дабы болѣе привести въ ужасъ, то нѣкоторые изъ сихъ бездѣльниковъ упоминали о Вильямѣ. Другіе заперли меня, Лорда Бюрлейга и его служителей въ большей комнашѣ вышедъ сами вонъ.

Безчестное имя Вильямова паче исполняло меня ужаса и бѣшенства. Окидывала я свои глаза по всей комнашѣ, не сыщуль какого орудія умерщвить себя. Была я на сей разъ по-

добна порціи, проглотившей горячіе уголья. Потомъ услышали мы великій шумъ близъ нашего покоя и спрѣльбу ружейную. Нѣкоторые изъ разбойниковъ тонимы не знаемо бѣмъ, кои не ихъ шайки. Уже я не сомнѣвалась, что небо сжалясь послало намъ помощь. Долго они сопротивлялись своимъ соперникамъ: но свободншели наши верхъ одержали и вошли развязать Бюрлейга. Онъ онѣмѣлъ отъ удивленія, видѣвши своихъ служителей и подчиненныхъ изъ монастыря святаго Викеншія. Напрошивъ и ихъ удивленіе не меньше было, видя господина въ сей пещерѣ. Тогда поняла я, что люди его конечно прошли нѣми сводами, которыя были проведены въ Игуменство. Удивительно же мнѣ было, почему Вильямъ зналъ о семъ проходѣ. Лорда Бюрлейга почитала я за товарища въ моей напасти. Вскочила съ шоропостью и предроводила прямо его чрезъ чуланъ, который имѣлъ свободный проходъ; прочіе же проходили за мною съ удивленіемъ.

Я увидѣвъ шѣ веревки, коими вы были связаны, пошла спросить въ монастырь, не въ немъ ли вы? Тамъ сказали мнѣ утвѣрдишельно, что нѣшу. По сему самому Лордъ Бюрлейтъ узналъ, что мы въ сей пещерѣ воспитаны были, а я не хотѣла ему признашья. Вшедъ въ монастырь всѣмъ съ восхищеніемъ кланялась; но шаковое восхищеніе не долго продолжалось.

Тако уже не можно было знать, гдѣ на оцшесь; въ замкѣ ли Бюрлейта, или изъ его бѣжали? Оплакивала я, будучи заключена въ сей пуспынѣ, свою горестъ, гдѣ блѣдные лучи блистательнаго мѣсяца представляли мнѣ шьму разныхъ мечшъ, кои до того довели, что чувствовала бѣющійся пульсъ съ необыкновенною скоростію. Въ шемницѣ слышенъ людскій попошъ, а никшо не подходшъ. Наконецъ впа- ла я въ прежнее безуміе, слышала вдали разные голоса, шо восклицающіе, шо смалкивающіе. Наступленіе дня наводило мнѣ ужасные предметы въ

моемъ жилищѣ. Ночью непопыри спадами били въ мои окны; а освѣщеніе солнца являло мнѣ шюръму загашенную всякою мрачностію; тогда опятощались мои чувства; тогда усталость соединенная съ прохладою ушра погребала меня въ глубокой сонѣ.

Но и въ томъ чинили помѣху. Дѣвка приносила мнѣ завтракать съ такимъ повелѣніемъ, дабы я дала знать Бюрлейгу, въ чемъ я имѣю нужду. Ему пріятно меня удовольствовать въ недоспашкахъ? отвѣчала я ей. Всемъ довольна, скажи Лорду. Одна женщина, казалось, жалѣла обо мнѣ, а паче, какъ я дала ей кошелекъ съ деньгами и спросила ее, не знаетъ ли она чего о сестрѣ моей и Лейсестерѣ? Едино было утѣшеніе, когда услышала, что оба вы избѣгли отъ поисковъ Бюрлейга, и что великодушная его дочь перпишъ злоключеніе за вашъ упускъ. Служанка все пересказала своему господину, и пришла мнѣ сообщивъ мысль любезной Сесили, что она

она щипшия всѣми мѣрами умалишь свое злключеніе. Симѣ возобновилась моя надежда и дала новый видѣ моимѣ мыслямѣ.

Хошия я не могла проникнушь, какія обстоятельства понудили Лейсестера и сестру мою кѣ споль спротому побѣгу: однако должно думашъ, что они были важны. Тѣ, кои я знала, не могли бы ее споль понудишь, чтобѣ не бышь ни на малой часѣ въ Игуменствѣ для опдохновенія. Но слава Богу, что избавились они своей бѣды.

Тюрьма и мрачное мѣсто весьма жестоки были моему сердцу; но еще мучительнѣе было состояніе моей сестры. Не могла вспомнишь о ея свойствахѣ, не говоря сама сѣ собою: пусть она оставила меня, однакожѣ не по своему хотѣнію. Увы! она не имѣла участія въ моемѣ злополучіи. Вѣрь мнѣ, любезная сестра, первая молитва возносилась на небо о швоемѣ спокойствіи.

Наконецъ привычка сдѣлала уединенную мою жизнь не столь мерзкою и страшною. Разположилась я не умножать моего волненія. Попросила книгъ, коими мила ушлишь мои мечтанія, пишая мой разумъ премудроспїю. Кормила пшичекъ остатками моего хлѣба сидящихъ на стѣнистыхъ деревьяхъ. Таковое собесѣдованіе стократно мнѣ прїяшнѣе казалось, нежели великолѣпное. Я симъ навѣрно прїучила себя къ новому сожитію.

Сіе спокойствіе скоро прервано было посѣщеніемъ Лорда Бюрлейга. Вшолъ онъ съ тонкостію придворною, вопрося меня, въ чемъ я упражняюсь въ моемъ уединеніи? Читаю ушѣшительныя книги, гѣворила ему. Онъ на то ошвѣчалъ мнѣ, что имѣешь дозволеніе дашь мнѣ сіе ушѣшеніе, и что онъ нарочно пришолъ ночью освободить меня, и исполнишь въ тайнѣ шакое повѣленіе. Я содрогнулась онъ неожиданной радости, а онъ замолчалъ. „Потомъ гѣворилъ: не ожидай шого, да-
бы

бы Королева такое снисхожденіе оказала безъ условія. Ея воля не выпускашь себя до полѣ изъ сей комнашы , доколѣ не согласишься итти за Лорда Арлингтона Сія комнаша, ему ошвѣчала я, да будешь мнѣ гробѣ. Пусть милосердіе ея осмается при ней, яко безчеловѣчной мучительницѣ Поише, не будь сердипа, говорилъ онѣ шѣмѣ же тономѣ; шы протнѣвляешь ее ложнымѣ доказательствомѣ о невозможности брака, предполагая рожденіе; вообрази, что Королева дѣласть сіе изъ милосердія. Какѣ! ложный апшеспашѣ, ошвѣчала ему я съ презрѣніемѣ? Чѣмѣ она можетъ его опорочить? она изодрала его понапрасну; што была копія. По семѣ пришедѣ я вѣ восхищеніе, закричала, поднявѣ свои руни кѣ небу: воззри на сіе жилище и смиренныя души, Господи! Воззри, и шы еспра, на несчастливато Норфольда; воззри и шы почитаемая Мисприсѣ Мелло, дражайшая приснавица вѣ нашей юности, и скажи шой, коей мы рожденіемѣ

емъ должны! Но вообще безпокою сѣи блаженныя души, чпобъ они подшвердили древнѣя наши пишла, конхъ хитроспѣю своею Елисавета запыишь не можешъ. Препроводите меня къ сей Августѣйшей Принцессѣ; которую я машерѣю называю; но жестокость злодѣевъ хочешъ лишишь меня сего имени. Прѣидите и засвидѣтельствуйте оправдать меня, чпо я ея дочь. „ Я не съ шѣмъ присланъ, сказалъ лукавый Бюрлейгъ, дабы говорить съ тобой о вещахъ споль нѣжныхъ, но чпобы обратишь швои мысли. Подумай, чпо шакое воспаленіе имѣшь будешъ худыя слѣдствѣя. Уже давно время минуло, какъ мечъ-подбѣишь на главу Царицы Шопландской, да и шеперь виситъ на нишкѣ. Сей мечъ въ рукахъ швоихъ. Сѣе послѣднее слово. Доколѣ не ворочусь къ тебѣ, подумай, какъ ты хочешъ поступишь. „ Съ шѣмъ онъ и пошелъ вонъ. Ужасъ началъ охлаждашь мои члены. . . . О все-сильный Боже! Твоя Святая на шволя ошягощашъ шаковыми шпрананіями;

ми ; пошли Свою благодать сносить перфильво. О дражайшая мать! не могу я тогда называться швоею дочерью, когда опрекусь швоего имени? Да, я должна буду опрещись, выговорила съ рыданіемъ. Повинуюсь повелѣнію безчеловѣчной Елисаветы.

Лордъ Бюрлейгъ возвратился ко мнѣ наущрѣ въ тѣже часы, и требовалъ послѣдняго рѣшенія. Я держала свой взоръ устремясь къ землѣ. Внутренность моя значила, какъ я препроводила ночь и наступающій день; однако онъ подумалъ, будшо я была несклонна. Вынулъ изъ своего кармана бумагу, и говорилъ, чпобъ я выслушала. Я дала ему знакъ, дабы прочелъ. Оной содержаніе состояло, какъ я упомяну, поэши въ нижеслѣдующихъ словахъ.

„ По самопроизвольному призна-
 „ нію Элеоноры, опносительно до нее
 „ и сестры ея Машильды, извѣстно ей,
 „ что въ короткое время, какъ Марія
 „ Шотландская Царица прибыла пре-
 „ бовашъ покровительства въ Англію
 „ по

„ по разнымъ резонамъ и политичес-
 „ кимъ видамъ, но соспавила прип-
 „ воръ, аки бы она сопряжена была
 „ супружесвомъ съ Томасомъ Говартъ,
 „ Герцогомъ Нрфолдъмъ; въ чемъ
 „ спомоществовала Лади Скроопъ, при-
 „ спавница показанной Маріи Стуар-
 „ ты, вообще съ нѣкоторыми служи-
 „ телями Шотландскими. Королева
 „ Шотландская пришворялась, будто
 „ беременна, а потомъ и родила двухъ
 „ дочерей, которыя пишомы и воз-
 „ ращены тайно до того времени, ко-
 „ гда Марія заблагоразсудитъ при-
 „ знать ихъ за своихъ дочерей; чего
 „ ради и соспавлены имъ апшеспашы
 „ пою же паршією признавать ихъ за-
 „ конными дѣтьми, подъ именемъ
 „ Машильды и Элеоноры. Послѣдняя
 „ вѣдая о семъ всесовершенно произ-
 „ шесшви, раскаялась чистосердечно,
 „ что содержаніе ея противно воли
 „ Елисаветы, Королевы Англинской. Са-
 „ мопроизвольно себя и сестру свою
 „ признаетъ не Маріей Королевой Шот-
 „ ландской рожденныхъ, а взяшихъ
 „ изъ

„ изъ самаго низкаго рожденія преле-
 „ стію денегъ , и названы близнецами
 „ по соизволенію Королевы Шотланд-
 „ ской и ея сообщниковъ. Таковое при-
 „ знаніе учинено и подписано на помѣ
 „ же самомъ мѣсѣ , гдѣ Элеонора и
 „ сестра ея шайнымъ образомъ воспи-
 „ шаны были , шо есть въ монастырѣ
 „ Свяшаго Викентія , принадлежащемъ
 „ тогда Лорду Скроопу. „

Вычитавъ предо мною множество
 безчестія , позвалъ къ себѣ служителя
 и подалъ мнѣ въ руку перо ; но я оп-
 казалась подписать сію баснь . Онъ у-
 видѣлъ съ глазъ моихъ досаду и пре-
 зрѣніе . Не допуская до того , чшобъ я
 отвѣчала , предложилъ предъ глаза мои
 указъ , по которому казнена Королева
 Шотландская . Уже я не могла вынес-
 ти такового ругательства , взявъ отъ
 него перо и подписала почернивъ свое
 имя ; выдернувъ сіе проклятое пове-
 лѣніе изъ рукъ его , изорвала въ мѣл-
 кія часпи , и пала въ жестокія Кон-
 вульсіи ; они меня чрезвычайно шер-
 зали .

Я уже была близъ гроба; какъ же не пала въ сію самую минушу? Сколько разъ злоспаданія мои меня доводили до смершнаго часа! Но попеченіе бывшихъ при мнѣ служителей жизнь мнѣ даровало, и по прошествіи нѣсколькихъ дней могла я вспасть съ постели. И такъ осталась я одна какъ и прежде въ глубокомыслии печальна и безобразна. Хотя спаралась поносительница, но не могла болѣе вымучить изъ насъ, какъ только помрачать имя мое и сеспры моей. . . . Но еще безпокоило меня то, что Елисавета не увеселяется ли шѣмъ, чтобъ мучить высокоумный духъ Эсексовъ, дабы онъ вѣдалъ, что несчастливый его предметъ спраждетъ отъ ея рукъ?

Лордъ Бюрлейгъ сдѣлалъ мнѣ еще посѣщеніе. Вшелъ ко мнѣ въ сей день весьма крошкѣ; началъ мнѣ говорить тономъ челоуѣколюбивымъ: „Несчастливая шы дѣвица въ своихъ юныхъ лѣтахъ! я еще имѣю новое тебѣ сказать; не мысли о союзѣ своемъ съ Графомъ Эсексомъ, коего шщеславіе и

характеръ безпокоитъ съ давняго времени людей благоразумныхъ и совѣтъ Королевы, и она не склонилась къ тому, дабы онъ изходатайствовалъ себѣ свободу. Эсексъ! ему говорю я, что вы хотите сказать о Эсексѣ? Но онъ мнѣ далъ знакъ, чтобъ я ему рѣчи не перебивала: тогда я примѣтила его лукавство. Презрительный мой на него взоръ доказалъ, что я поняла его понясность. „Я не скрою отъ васъ, отвѣчаешь онъ, что Эсексъ любимъ Королевою, дабы со временемъ забылъ свое заблужденіе. Спашься можешь, что для того она и старается избрать себѣ другаго жениха. Сей молодой человекъ горячъ и дерзокъ. . . . пренебрегла я съ нешерпѣнія. Онъ смотрѣлъ на меня прилѣжно и продолжалъ навѣдываясь о вашемъ бытіи (я долженъ вамъ открыться, не боялся онъ ни угрозъ, ни прозбы, а шѣмъ) паче противалъ Королеву, что коснулся вышши въ умыслъ, дабы свободить Шотландскую Королеву. Счастлива Елиса-

веша, что умыслъ вышелъ наружу, и зломышленники переловлены; а Эсексб подпалъ гнѣву опѣ шого, что шы его довела до сего швоею прелеснїю. Теперь должна спасти его немедленно; не мучься и избери себѣ другую паршїю. Я не знаю, чего ради Королева имѣетъ шаковыя слабости, удерживая свою руку опѣ правосудїя? и кажетъся, что ему снисходитъ Вотъ Лорда Бюрлейга вѣсни Онъ продолжалъ свои хитросши едва не часъ Повѣрьте, государыня, я спрадаю больше, нежели шы Изрядно, говорю я, донеси вашей государынѣ. Для меня все равно, какимъ бы именемъ меня не называла, шолько бы пустила живу. Елисавета милосерда она желаетъ, чтообъ Эсексб былъ живъ Скажи ему, не я его осуждаю. Пусть онъ живетъ, Лордъ Бюрлейгъ! Я не опѣмаю его славы, понеже мнѣ имѣ владѣшь, а государыня ваша останешся вѣ покоѣ Пусть и Эсексб больше не думаетъ обо мнѣ, ешмя такъ. Теперь скажи мнѣ, Милордъ, какъ бы его мнѣ избавишь? Тотъ

Тотъ же способъ Царицу принуждаешъ разлучить васъ съ Эсексомъ, и препяшствуешъ себя сочешашся съ человекомъ честолюбивымъ, а паче предприимчивымъ; однакожь она не хочешъ и себя унижать. Лордъ Арлингтонъ съ шѣмъ присланъ курьеромъ, чшобы быть ему въ службѣ при ея Величествѣ за его крошость. Титулъ Арлингтона и счастье суть опличны. И шакъ Королева не хочешъ и шого тебя лишить. Подумай еще; должна ты согласишься Изрядно, Милордъ, я пойду за него. . . . иду, Лордъ Бюрлейгъ! но съ шѣмъ, чшобъ я лишена была его зрѣнія.

Двери моей шемницы вдругъ опворились. Я поведена, яко умирающая, въ домовую церковь Игуменства, гдѣ уже собраны всѣ жишели дому и священникъ тошовъ. Лордъ Бюрлейгъ вшелъ съ Арлингтономъ, контрактъ подписанъ; выговаривала все, чшо велѣли, съ лѣющими слезами и опчаяннымъ сердцемъ.

Обвѣчана! . . . опчаянна! . . . про-
надша не возврашно! Госпожа знашной
пустыни проходила все шо мѣсто, ко-
шорое ты знаешь. Сказали мнѣ, что
Лордъ Арлингтонъ купилъ у Лорда
Бюрлейга замокъ и землю Винсанша,
гдѣ онъ меня будетъ содержать аки
въ ссылкѣ, не дозволяя выѣзжать въ
Лондонъ. Пришупленное время изоспри-
ло мои печали.

Я умираю, говорила себѣ, но
Эсексъ живи. Я вздыхаю, но онъ пусть
веселился. Но мои вздохи обѣяты пе-
чалію и задумчивосшю. Лордъ Арлин-
гтонъ не внималъ моей печали, ниже
уважалъ мою горестъ. И такъ между
нами не было никакого сношенія. Ме-
жду шѣмъ еще я не была совершенно
свѣдома о судьбѣ моей машери. Свѣ-
дала наконецъ, что она казнена въ
замкѣ форширингей въ самое шо вре-
мя, когда я обручена была.

За симъ скоро я провождала вре-
мя, впадая изъ страха въ страхъ, изъ
печали въ печаль. Когда излечалась од-
на

на рана, тогда уже другая разпворялась. Была нѣсколько недѣль брошеною, обманушою, озлословленною, жерпвемою собою Арлингшонъ поѣхалъ ко двору скоро послѣ свадьбы, а меня оставилъ въ пуспынномъ ушѣщеніи.

Глубокая задумчивость, коя обнимала мой духъ, испортила безчисленно мое положеніе; разумъ, будучи помраченъ, предсавлялъ часто предметы небышешвующіе, и отвергалъ часто предъ моими глазами ежедневно обращающіеся. Преврашивъ сѣи спрашныя заблужденія, взирала я со удивленіемъ на предстоящихъ; наипаче часто одерживалъ меня ознобъ и безчувствіе. Пробуждалась и вскакивала, буддо одержима была глубокимъ сномъ! озиралась всюду и вокругъ себя хватала яко мнѣ надобное, пышала руки, жива ли я. Тонъ голоса моего былъ дрожащій. Освѣщеніе дня казалось мнѣ чуднымъ. Увы! сесприца, нынѣ не ша Элеонора, кошорую шы знала, ея способности совсѣмъ перемѣнились. Ей ос-

шавалось шолько нѣсколько часовъ приходишь въ память ошѣ своего безумія.

Какая настояла нужда обращаться къ моему разсудку и полагать основаніе на моемъ сердцѣ. Но должно свершишь прудъ, на меня возложенный по обстоятельствуамъ моего злополучія: уже не было къ тому надежды съ его стороны. Казалось мнѣ, что аднат пустыня въ нѣкоторое время умалишь мою горестъ.

Мои пріязи обрашались къ свободному благоразумію. Невѣденіе о судьбѣ швоей, сестра моя, и о Лейсесперовой обременяло меня. Я вложила свое письмо въ Арлингтоново къ Лали Пемброкъ, въ кошоромъ я писала къ ней, не знаетъ ли чего о шебѣ и о Лейсесперѣ.

Когда я послала его къ ней, тогда исполнила всѣ прежніе обѣшны. Пала предъ вышнимъ Существомъ и просила укрѣпиль мои чувства и слѣдовашь по стопамъ Его воли. Я опвергла всѣ человѣческія еуеты. Въ спра-

данїяхъ моихъ предала себя Его святой воли, и покаяюсь опредѣленію Его безъ роптанія. Между шѣмъ получила я опшвѣшъ отъ Лади Пемброки благо-склонный и жалостный. Просила она меня увѣдомить, какимъ не ожидаемымъ случаемъ я сдѣлалась госпожею замка святаго Винсанпа, а особливо о спрнанной нашей свадьбѣ; она о всемъ подробно рассказала.

Опчасти увѣдомила меня, какимъ вы образомъ столь поспѣшно убѣжали и прибыли во Францію; опкуда отъ васъ извѣстіе имѣеть. Да припомѣ писала же, что ваша переписка съ ней прервана; но чему сіе приписать, по-то она не знаетъ. Лезалъ понапрасну васъ ожидалъ у Лади Пемброкѣ. Онъ возвратился въ подземелье, а опкуда въ Кенильфорпъ, но и шамъ не засталъ, и былъ принужденъ еъ сожалѣіемъ воропшиться въ свою опшизну. Многіе отъ друзей вашихъ были разосланы навѣдываться объ васъ; но и по бы-ло не удачно, шолько вѣрно было по, что вы опправились изъ Руана, и
всю-

всюду слышно было, что Лейсестеръ умеръ на пуши въ Кенильфортъ, да и погребенъ въ Варвикъ съ великою пышностію.

Письмо Пемброки раздирало мое сердце, что Лордъ Лейсестеръ умеръ, о помѣ уже нѣтъ и сомнѣнія. Но когда, въ какомъ мѣстѣ и какъ? Теперь гдѣ ты, дражайшая Машильда? гдѣ сыщу я своего друга? Можешь быть ты несчастливѣе и меня. Я сравнивала извѣстія, мнила, что и себя на свѣшѣ нѣтъ: однакожъ надлежало бы о помѣ обнародовать. Заключила шѣмъ, что ты пошла въ какой либо монастырь во Франціи. Да будешь и подлинно такъ, для чего не увѣдомишь своихъ пріятелей? Увы! любезная Машильда, увѣдомь меня, я себя заключу; ешьли ты жива, удовольствуй спражающее сердце. Ешьли же преставилась въ вѣчное блаженство, пріими участіе въ горестяхъ сдѣшняго моего обипанія. Ахъ! удоспой, удоспой меня свѣденіемъ. Колико ночей, когда всѣ покояшся, я бываю во ужасѣ, и

ВЗЫ-

взываю, Мапильда! колико разъ ты являешься при возглавіяхъ моей постели! но все то въ мечту и сонѣ обращается. . . . Никто мнѣ не отвѣчаетъ, никакой образъ не проникаетъ ночной шемношы, единый мой видъ скрывается въ оной. Тако шекуютъ мои дни въ неизвѣстности, но мню, что прошекають не впунѣ, достигнутъ нѣкогда до того, что должно рѣшиться мое сомнѣніе.

Я чшчу Эсекса: . . . Увы! я чшшшь его буду во всю мою жизнь. . . Но Эсексъ не вспомнишь меня во все свое время, не удостоишь ни однимъ письмомъ съ той поры, какъ я его не вижу! Лади Пемброкъ меня увѣдомляла, но нынѣ все утихло, а онъ заступилъ мѣсто Лейсесперово. . . . Всѣ говорятъ, что онъ женился на Королевѣ! . . . О! насчастливая Элеонора!

Во время весны Арлингтонъ прѣѣхалъ въ свой домъ. Я встрѣшила его съ великою унылостію. Онъ мнѣ сказалъ, что Королева дозволила ѣхать

и мнѣ въ Лондонѣ, чтобы я къ ней предсшавлена была. Сверхъ того и самой мнѣ нужно повидаться съ друзьями и разсмотрѣшь поведеніе и взоры ея новаго Фаворита; но Лади Пемброкъ къ сему приступишь мнѣ не совѣшавала, говоря мнѣ, что въ семъ заключалась Арлингшонова спрасъ, дабы подсмѣяшь Эсекса, предсшавивъ глазамъ его любезный предметъ, который у него похишилъ онъ, и что я именуюсь нынѣ Арлингшона. Онъ меня принуждалъ такъ скоро, что я поступила вопреки намѣренія Лади Пемброкъ и согласилась ѣхать ко двору.

Я до тѣхъ поръ не выѣжжала изъ Игуменства, покамѣстъ не освѣдомилась о пріѣздѣ ко двору Лорда Эсекса, которой былъ въ великой чести и славѣ, и опоркою всему двору, и сдѣлался, говоряшъ, любимымъ всѣми, коихъ и не одолжалъ; но я одна лишена его довѣренности и чести, не смѣя о немъ выговорить слова. Увѣрала я Арлингшона, что спрасъ моя прошиву соперника его совсѣмъ угасла.

Прі-

Пріятно ему было сіе воображеніе, несчадилъ онъ нарядовъ, купилъ множество брилліаншовъ и дорогихъ парчей. Увы! когда онъ преславно наряжалъ меня, тогда я внутренно радовалась, что снѣденіе печали образовалось на чертахъ лица моего. Я была блѣдна, суха. Предстану предъ глаза Эсексовы, аки шѣнь Элеоноры; но онъ все-конечно вспомнитъ по время, какъ въ цвѣтущей молодости обожалъ меня.

Вошла я въ комнату тихо и со страхомъ; увидѣла, чего искала. Эсексъ стоиптъ опершись рукою на креслы Королевы въ веселомъ духѣ, въ нарядѣ воинскомъ, поступка вольная. Тотчасъ устремилъ онъ глаза свои на меня, разсматривалъ со вниманіемъ, дабы узнать, не ошибается ли онъ. Содрогнувшись проспиралъ свои ко мнѣ руки, тошовъ былъ пасъ предъ ногами моими, забывши, что присудствуетъ Царица и полное собраніе. Помомъ усилиясь пошолъ опрометью, закрывъ голову свою епанчею.

Элеонора въ сіе мгновеніе вообразила всѣ мщенія? впаала во удивленіе, горячность, печаль, ахъ! душевное спраданіе паче смерти Предсшюящіе подхвапя меня подвели къ кресламъ Королевинымъ; но она едва подала мнѣ свою руку по обыкновенію, какъ я падъ къ ногамъ ея, испустила страшный стонъ! Елисавета вспала тѣвно и громко сказала Арлингшону: Милордъ! шы шакой дуракъ какъ и она, и шотчасъ пошла въ свой кабинетъ. Арлингшонъ будучи сраженъ симъ словомъ, болѣе старался успокоить Королеву, нежели пещись обо мнѣ. Оставилъ меня на произволъ стоящихъ. Сія самая сцена помѣшала ему видѣшь все произшествіе. Нѣкоторые подхвапя меня опнесли въ большую галерею; тогда Эсексъ будучи безобразенъ увидѣлъ шолпу людей около меня, содрогнувшись вмѣшался въ сей кругъ, и разполкалъ всѣхъ, схвапя меня на свои руки положилъ на мѣсто подобное постели, самъ спалъ на колѣни стараясь привести меня въ пашья

мнѣ въздохами и лобзаніемъ, тысячекратно называлъ меня своею супругою. „ Элеонора! Элеонора! конечно здѣсь какіе нибудь духи тебя очаровали, кричалъ шакъ, метая свой взоръ воспламененный повсюду. О! еслили бы я узналъ, что мое подозрѣніе есть справедливо, не избѣжалъ бы сей разлучающей насъ, рукъ моихъ; тако сіе безплодное восхищеніе открыло нашу несчастную повѣсть.

Сія сцена грозящая намъ пагубою прервана была присудествіемъ Лади Пемброкъ. Сія благодѣшная и благоумная госпожа того и надзирала, когда я покажусь ко двору, чшобъ не произошло чего нибудь страннаго; но видѣвши, что впунѣ ея прозьба и доказательства были, умолчала. Посемъ видя внѣ ума меня, приказала своимъ слугамъ, чшобъ меня опнесли въ ея судно, и сама пошла за мною, а Эсекса совѣщовала своему мужу не покидать.

Когда мы сѣли въ ея бопикъ, тогда люди ея брызнули мнѣ на лицо

водою. Я опомнившись, озираюсь на всѣ стороны, и удивилась, какъ я въ немъ нахожусь; проливая не малыя слезы, омочая ими перси моего друга, пришла я въ состояніе понимаешь свое приключеніе. Лади Пемброкъ примѣшя, что я въ состояніи понимаешь, начала говорить мнѣ такъ: любезная Элеонора, весь планъ своего поведенія весьма опасенъ. Королева весь свой гнѣвъ и мщеніе на себя изливаетъ. Спасься можешь, что падеши на главы шѣхъ, кои тебѣ пріятны. Открыла ты завѣсу, кошорая обѣимъ вамъ опасна. Я бы жалала, чтобы ты воззрела на шопъ часъ на его, яко невѣрнаго и виновнаго; понеже свое состояніе шакое, дабы недовѣрчивость швою любовь преодолѣла. Увы! моя любезная, шрудно преодолѣшь шоликое смяшеніе, надобно бышь человѣку шакому, какова ты. . . . Не опасайшесь ничего, моя любезная и великодушная совѣшница, ей шпѣчала я; мнѣ кажется, что я существую для шого, дабы мнѣ жершвовашь шакъ доброхошно, хопя на шопъ

потѣ часѣ душа моя и ослабѣла; но въ состоянїи я вышерпѣшь все напасти, толькобѣ заключали, что Эсексѣ правѣ. Выговори мнѣ, что Эсексѣ не виноватѣ, что вѣренѣ, по я все несчастїя для его прешерплю; скажи всему истинну. Отвѣчаетѣ она усмѣхнувшись; изреченїе и слезы доказывающѣ успокоенїе. Ешьланбѣ можно было тебя обманывать, я бы поспаралась. Да я буду спараться для благоденствїя обѣихѣ васѣ, и хочу васѣ удовольствивовашѣ.

Вы, надѣюсь, вспомните потѣ самый день, въ который вы и сестрашвоя скрылась; я тогда была не очень здорова. Въ самое то время удивилась, что Эсексѣ ко мнѣ пришелѣ; ибо я чаила, что онѣ въ лагерѣ. Такое незапное посѣщенїе соединено было съ его взоромѣ, испужало и поспревожило меня. Чего ради тому я спросила причину; онѣ въ точности сказалѣ; пронулѣ меня его видѣ; я спаралась возможную податѣ помощь и

ушѣшеніе дружелюбное, безпрестанно онѣ ко мнѣ ходилѣ, вечеромѣ и у-тромѣ, а чаще ночью, открывая все, и позволяя мнѣ имѣть участіе во всѣхъ его проэктахъ, перемѣнахъ и временахъ. Мы всячески спарались на-вѣдываться о тебѣ, гдѣ ты и въ ка-комъ мѣстѣ находишься; но все было безуспѣшно; неудачные поиски его огорчали; по сему я принуждена бы-ла умолкнуть.

Эсексъ тогда не ходилѣ, а бѣ-галѣ по комнатамъ; принуждалѣ себя успокоить, между тѣмъ и мужъ мой пріѣхалѣ и привезѣ сію злую вѣсть, что Лордъ Бурлейгъ показалѣ кон-трактъ, что ты идешь за мужъ за Арлингтона: Эсексъ являлѣ себя вели-кодушнымъ; однако сдѣлался блѣденъ и глаза его попускали. Прошолѣ нѣ-сколько разѣ по комнатамъ въ молчаніи; потомъ выговорилѣ съ шажкимъ вздо-хомъ: я обманушь!

На другой день пришолѣ нѣсколь-ко безобразенѣ, но весьма важенѣ; я съ нимъ ничего не говорила о прежнемъ,
ниже

ниже упоминала о своемъ имени; напрошиву и онъ пожъ говорилъ, не упоминая о шебъ; но только хвастался милоспью Королевиною и своимъ случаемъ, по которому онъ мнишъ еще взойши на высокую степенъ.

Въ скоромъ времени снарядилъ богато своихъ служителей и посѣщалъ Дракануриса. Слова его весьма угодны были Елисаветѣ, и она едва могла скрывать чувствительные свои виды клонящїеся къ нему, и безъ его не могла бышь.

Въ первомъ письмѣ, которое мы получили, не упоминалъ ни слова о шебъ, а безпокоился о сестрѣ швоей и посылалъ нарочно Сирѣ Волтера въ Руенъ, съ такимъ приказанїемъ, дабы не щадилъ ни труда, ни денегъ, толькобы провѣдалъ о Машильдѣ. А самъ содержалъ себя такъ, какъ говорили, чтобъ стараться о воинскихъ дѣлахъ, а шѣмъ побѣдиль любовную спрасъ, дабы заняно было оными его праздное и печальное сердце, въ коемъ поселена была несчастливая любовь.

Онъ рожденъ былъ, чшобы ему не бышь безъ дѣла. Вскорѣ обратилъ свое желаніе къ своей націи. Елисавета дозналась, чшо всѣ его дѣла и храбросшь не отъ чего инато происходящѣ, какъ отъ опчаянїя. Разсудила его успокоить, опозвала ко Двору, чему очень прошивился онъ долго. По сему принуждена Королева послашь повелишельный указъ, чшобы онъ ѣхалъ. Между шѣмъ получила я отъ себя письмо, которое не только не оправдывало себя предъ Эсексомъ, но еще принуждало заключить то, чшо швое супружество за Арлингтона было самопроизвольное. Думаю я, чшо въ томъ и не ошибаюсь; ибо онъ прочешши его, видимую сдѣлалъ перемѣну въ своемъ обхожденїи; однакожъ не оказалъ ни гордости, ни досады, ни страсши. Увы! любезная, колико ты тогда разтворила ранъ въ Эсексовомъ сердцѣ? Мучился онъ печалїю, видя свое опчаянїе; любовь его обижена высокоумѣнною Королевою. . . . И такъ
хо-

хочешсяль себѣ, чшобѣ вся его жизнь
была безушѣшна и ошчаянна?

Сшоль чувствившешное обѣясненіе
до слезѣ меня довело., Нѣшѣ, моя ве-
ликодущная и вселюбезная, ей говорю
я, ни какѣ я не сомнѣваюсь о шво-
ихѣ чшшосердечныхѣ разположеніяхѣ,
а еще мѣнше о правосши вашихѣ пред-
пріятій. Ты предупредила мой духѣ
вѣ напашяхѣ, кошорыя по неразумію
моему я себѣ навлекла; нынѣ обра-
щусь кѣ своему разсудку, чешши и
себѣ самой! О шы! вскричала я взры-
давши, кого я шоль безмѣрно люблю
и обливаю торешшными слезами. Ешш-
ли я омрачила блисшашую звѣзду
швоея судьбы, шш сама она проник-
нешѣ сквозѣ гущей шуманѣ; я пошо-
ну во слезахѣ своихѣ. О! пусть счаш-
сливая изѣ женѣ дѣлшшѣ сѣ нимѣ
свой жребій, и составшшѣ благополуч-
ную жизнь. Я ей шшого ошѣ всего мое-
го сердца желаю.

Уже мы близко подѣбжжали кѣ
моему дому. Прощай, любезная Лади
Пем-

Пемброкъ, выговорила я, и просити шѣ слабости и безпокойства, которыя я тебѣ причинила. Сіе обѣщаніе почишай за залогъ вѣчной нашей дружбы; она проводивъ меня до моей комнаты возвратилась къ своему судну.

Арлингтонъ также воропился; но весьма сердитъ, помня слова Королевины, кои ему она выговаривала. Сіе произвело, что я едва не начала раскаиваться о своемъ увѣреніи, которое я обѣщала Лади Пемброкъ; но повиновалась паче разсудку, нежели чувствованіямъ. Я удалилась въ свою уединенную комнату; тогда получила письмо отъ Эсекса доставленное чрезъ руки Лади Пемброкъ, которая опасалась опдать его въ постороннія руки, а шѣмъ самимъ не измѣнилъ бы кто и не открылась бы наша тайна; она ко мнѣ принесла сама.

Не могла уже я воздержаться, дабы приносчицыны не разцѣловать руки; я распечашала. . . . Оно было

исполнено изреченій. . . . Пишетъ онъ ко мнѣ самъ, что онъ Арлингтона пріемлетъ за мягкую глину. Презри, говорилъ онъ, предразсудки неприспойные вашему полу, и не слушайся шѣхъ, кои васъ съ истиннаго пути совращають; будь ко мнѣ чистосердечна, и вспомни, что прежнія твои обѣщанія суть священны и исполнены чести и закона, предъ цѣлымъ свѣтомъ. Ахъ! припомни злой часъ, въ кошорый ты изторгалась изъ рукъ моихъ. Ахъ! ошвѣчай моя дражайшая Элеонора, моя любезная супруга; я тебя заклинаю правами, кои отнять можешь одна смерть. Открой свое сердце, скажи всю правду, имѣешь ли желаніе свою хранить любовь къ тому, кто отъ тебя столько страдаетъ.

Не въ состояніи я описать вамъ, коликую письмо сіе произвело во мнѣ силу, соображая оное со объясненіемъ Лади Пемброкъ; и такъ взявъ перо писала къ нему ошвѣщъ.

Ош-

„Отдавши вамъ свое сердце, Милордъ, признаюсь, что во всю мою жизнь тебѣ предана буду совоспослѣдуя форшунѣ, что она понести можетъ. Но увѣ! когда я не въ силахъ ее покорить, тогда оспается не выспунать изъ предѣловъ моего права, кривать елико можно, дабы сохранишь тебя отъ несчастія, которое насъ разлучило. Проси мнѣ сѣе злополучное напоминаніе, кое я тебѣ предлагаю. Произведеніе скорѣйшее, (ибо почти мнѣ скривашь) соединенное съ строгою должностію, нудитъ меня сказать, что мы не можемъ видѣть другъ друга. Публика судитъ о семъ часпно, ожидая на шо рѣшенія. Ахъ! любезный мой другъ, вспомни, что сѣя есть бѣда изъ всѣхъ моихъ бѣдъ первенствующая; видѣть тебя впадшаго въ сей жестокій опытъ, который я охотно желаю понести. Нѣтъ! я тебя не увижу больше, не лишай меня увеселенія, хотя почти я въ ссылеѣ.

Превышая мысленную неволю, я не должна имѣть другаго душеводца,
какъ

какъ единую правосу. Внутрь вопіешъ гласъ ея, что небо пошлетъ мнѣ помощь и увѣнчаетъ шебя славою во удивленіе вселенной Не думая обо мнѣ Творецъ всей нашуры, коего властъ не преодолима, единый можетъ разлучить меня съ нимъ, воззри на сей поступокъ, пріучи наши сердца къ разлуки! Прошу не изгонять сего изъ твоего сердца; когда будешь власпелиномъ, то долженъ быть челоуколюбивымъ, и да будущіе спези твои не порочны. И такъ ежели я, явлюсь предъ Его Пресполомъ, буду взирать на своихъ гонителей съ презрѣніемъ, и воскликну: о! Отецъ мой, это сей Эсексъ, котораго я любила; онъ непороченъ! ,

Наконецъ заключила прозбу мою, чтобъ прекратить нашу переписку и опдала письмо мое Лади Пемброкъ со внутреннимъ чувствованіемъ, чтобъ совершила мою должность.

Скажи, что я уже сопряжена съ Арлингтономъ? Какое замужество? Какій пріобрѣлъ онъ плодъ отъ нена-

висти и слабости? кромѣ собесѣдова-
нiя несноснаго съ женщиной не согла-
сной, которая весь свой умъ на то ис-
пощаетъ, дабы свободишься заключе-
нiя, покидая осязывать ему кожу куп-
ленную имъ дорогою цѣною. . . . Я не
чувствую ничего. . . . Голова моя на-
полнена жару. . . . Сей человекъ за-
ставляетъ не ходишь, но ползаетъ съ
нимъ, называя меня своею женою! О
небо! я никому не жена. . . .

Пользуясь свободно минушою, у-
молчу продолжая свою испорiю. По-
слѣ того вознамѣрилась я требовать
позволенiя у Арлингтона, чшобъ мнѣ
возвратиться въ Сент-Винсантъ; на
что онъ охотно и согласился. Но сіе
предложенiе не нарушило его подозрѣ-
нiя и безпокойства; ибо чудныя онъ
имѣлъ свойства, легкомысленъ, непо-
стояненъ, упрямъ и сердитъ, щцесла-
венъ въ своемъ званiи неограниченно.
Мнилъ всегда, чшо во всемъ обманы-
ваютъ, когда другому даютъ пред-
почтенiе; а по сему Елисавета гнуша-
лась имъ.

Возвратилась я въ Сент-Винсантъ, и начала опдыхать, утверждая свой разумъ на спокойныхъ, однако же унылыхъ мысляхъ, каковыя бываюшъ у несчастливцевъ. Основываяся на законъ и нравоученіи, посѣщала жипельства неимущихъ и несчастливыхъ, подавая имъ помощь иногда награжденіемъ, а иногда ушѣщеніемъ. Симъ отражала мысль моего сердца. Набрала въ свой замокъ ихъ дѣшей. Нѣкошорыхъ пріучала къ работѣ, другихъ къ шитью; иныхъ учила грамошъ, музыкѣ, соопвѣшшвенно ихъ лѣшамъ и полу. Казалось мнѣ, что я обитаю среди Ангеловъ. Тако домогалась я всякихъ способовъ прогоняшъ неполезные мраки лишаящіе меня счастья. Цѣлый годъ я препроводила въ сихъ неусыпныхъ трудахъ. Чашо прогуливалась по лѣсу, поя невинныя пѣсни. Веселилась зеленосшю деревъ. Согдашала голосъ свой съ пѣніемъ птицъ, подходила я одна къ кельѣ ошца Аншонія, и обливалась слезами надъ сими монументами, ко-

порые приводили на память прошедшее.

Подсмотрѣ не навлекалъ кажется никакого подозрѣнія; ибо я никогда не хаживала одна; но Лордъ Арлингтонъ познавалъ въ семъ моемъ пустынномъ уединеніи нѣчто подозрительное, которое со дня на день умножалось; а я презрела такую его ревность, которая опъемлетъ невинное въ пустынѣ увеселеніе; свѣдала однакожъ, что ревность безпокоитъ не насыпимую его алчность въ немъ обитающую, паче всѣхъ страстей; часто онъ хаживалъ по моимъ слѣдамъ, и почти всякой часъ вдругъ вбѣгалъ въ комнату, а другіе сказывали мнѣ, что онъ увеселялся шѣмъ, когда я плачу и жалуясь.

Весьма радовался тому, что Королева любила Эсекса, и что разлука наша послѣдовала по его изволенію; его неопасныя освѣдомленія, его простота не скромная и вся дѣятельность въ его жизни, возбуждали во мнѣ удивленіе, и во всѣхъ его знаемыхъ.

По

По разнымъ покушеніямъ неудачнымъ , чшобъ ему нѣкошорую имѣшь ошмѣну у Двора, Лордъ Арлингшонъ разсердился , и по возвращеніи въ свой замокъ, цѣлый годъ былъ со мною, не имѣя ни какого и ни въ чемъ знанія. И такъ упражнялся въ шѣлесныхъ забавахъ, шо въ рыскаянїи по полямъ, шо въ рыбной ловлѣ; а вечеромъ погружался въ пьянствѣ съ деревенскими невѣжами , кои его сосшавляли компанію. Симъ внушренне я увеселялась , чшо моя любовь вышпся , а его унижаешся.

Чшобъ утвердишь сіе мысленное благополучіе, предшавившееся ему во пьянствѣ, повелѣлъ сіе вешхое зданіе, въ кошоромъ я была воспитана , разорить для шого, чшо оно наводишь печальное восшоминовеніе. Его управитель вперилъ ему, чшо матеріялы будущъ надобны , и когда онъ срубилъ весь лѣсъ его окружащій , шо нѣмъ возвратилъ всѣ издержки употребленныя на разные расходы , а шѣмъ ошкроешъ прїятный глазамъ видъ.

Я весьма прошивилась сему разположенію; но онъ возражалъ, что на то не согласишься, будшо всѣ шѣ предметы напоминающѣ мнѣ, кого я, и кто меня любилъ. Въ великомъ я была оторченіи, видѣвши священный пепелъ моего благодѣшеля подвергнушѣ развѣянію вѣшровъ, а шѣмъ самымъ умножилась моя печаль. Но дабы облегчить мою прискорбность, Лордъ Арлингтонъ рѣшился увезти меня въ Лондонъ съ собою, чего я и сама желала.

Небольшее число моихъ пріятелей приняло меня съ оптимѣнною ласковостію; но Лордъ Арлингтонъ подозрѣвалъ меня въ Лондонѣ паче деревенскаго. А дабы избѣжать мнѣ ревности, я разположилась ни съ кѣмъ не видѣться, и бышъ неисходной изъ своего дома.

Хотя съ великою опасностію бдѣла я надъ своими поступками; но не лзя же миновать, дабы не имѣшь удовольствія. Ишнанской живописецъ написалъ картину на взяшьѣ Кадикса,

на

на которой между прочими особами и Эсексъ былъ помѣщенъ. Сія картина всѣхъ приводила въ любопытство, и галлерея ша, гдѣ она поставлена, невмѣстима была зрителямъ. Разнесшійся слухъ возбудилъ бы и во мнѣ подобное любопытство, естли бы глупая ревность Лорда Арлингтона тому не препятствовала, а почему не смѣла я у него и попроситься, чтобъ дозволилъ мнѣ сѣзидишь къ Леди Пемброкъ, однако выдумала другій способъ, который казался мнѣ безопасенъ.

Королева сдѣлала знашнй пиръ для свадьбы одного изъ своихъ фаворитовъ; весь дворъ былъ званъ, гдѣ будетъ балъ и великолѣпный ужинъ. Арлингтону не лзя было воротиться опшолъ домой прежде прехъ часовъ ушра, и потому Леди Пемброкъ прислала по меня въ одиннадцать часовъ свой челнокъ, чтобъ я прѣехала къ ней въ Греевникъ съ шѣмъ, что и обратню отвезунъ меня домой.

Въ семѣ разположеніи, казалось, не было ни спыда, ни опасности; попому я и поѣхала охотно въ Гревеникѣ. Гребцы, коимѣ приказано итакѣ было, привезли меня на галлерей кѣ приспани. Вожашые говорили, что мѣсто сіе тихое и безлюдное, то и остановилась я примѣтя, что нѣтъ никого. И такѣ я сомнѣвалась, войши ли мнѣ, или ворошиться не выдавъ ничего. Наконецѣ вошла, заперши за собою дверь. Показали мнѣ шу каршину, кошорой я желала. Какое движеніе произошло въ душѣ моей, видѣвши черты мнѣ любезнато! да и живописецѣ представилѣ его въ шакомѣ подобіи, что сей образѣ впечатлѣлся въ мое сердце; онѣ изображенѣ отъземлющимѣ шпагу изъ рукѣ его непріятеля, коего воспламененное око являетѣ, что онѣ его старался пронзить Эсекса. Толпа Ишпанцовѣ удивляется столь храброму Англичанину, а прочіе принадая кѣ шпагамѣ просятѣ пощады со орудіемѣ., Ахѣ! небо, вскричала я, залившись слезами, я во снѣ вижу шаковую смѣлость, съ какимѣ без-

спра-

страшѣемъ онѣ прѣобрѣшаетъ безсмертную славу!... Не лей дражайшихъ слезъ предъ сею холстиною нечувствительною, говоришь нѣкто, котораго я познаю по голосу, что Эсексъ, вѣрный швой Эсексъ всегда непремѣненъ. Суди, любезная Машильда! въ какомъ мнѣ смятеніи бышь надлежало. Ужасъ и безпокойство пресѣкли мои слова.

Ты молчи, моя возлюбленная, промолвилъ онѣ. Ахъ! говори, я тебя прошу; докажи мнѣ, что ты меня узнала. Какъ я тебя узнала, конечно! Ахъ! Эсексъ,пусти меня, ему опивѣчала я залившись горькими слезами. — Увы! ты мало знаешь, что гробъ... и можешь быть самый!... Размысли, дражайшая Элеонора, не зриай на меня споль жестоко и не почиай за прелестника; неизвѣстность сама даспавишь видѣшься тебѣ съ покорнымъ. Судьба самая запрешишь тебѣ лишь слезы на землю вшунѣ. Она меня понудила опирашь ихъ. Конечно ты не осмѣливаешься воззрѣшь съ такимъ жаромъ

ромъ на што, съ какимъ на портретъ его взирала? Ахъ, Эсексъ! ему отвѣчала я: хопя бы я и опвращалась но не по своей волѣ, а по волѣ моего рока, копорый насъ на вѣки разлучилъ. И шакъ не должно слѣдовашь минувшему, а должно взирашь на наспоющее. Время, мѣсто, все меня покроешь срамомъ, ежели о семъ свѣдомо будетъ. Уже давно я пресшала живъ для людей; уже живу для единаго Бога, къмъ я наказана. Вспала я и спаралась опнять свою руку изъ его руки; но онъ шакъ ее держалъ крѣпко, чпо я не могла сопротивляшья и принуждена съсъ подлѣ его. Боже! я видѣла шакое дѣйствіе акн сонъ! подлинноль я вижу Эсекса? шопъ ли голосъ слышу, копорый слыхивала прежде? Не воображай, говоришь, моя любезная, чпобъ я посшавилъ съшь шебя уловишь. Нѣшь я прѣхалъ въ сію минушу, и никакъ не думалъ имѣшь счастья шебя видѣшь; сей часъ мы прибыли въ сію галлерео съ Лордомъ Пемброкомъ. Съ минушу какъ онъ опсюда выщелъ, оставивъ
меня

меня уснушь. И не могу сказать, какая меня объяла радость увидѣвши себя входящую въ галлерею сію? Примѣчалъ, какое вниманіе имѣла ты, взирая на сію картину? Видѣлъ или лучше слышелъ, какую ты произносила жалобу? Ахъ! Элеонора, я чувствовалъ въ сердцѣ моемъ, что пріобрѣлъ благо на цѣлый вѣкъ. Увы, Милордъ! непріятели связали мои руки и опняли надежду. Не обращай болѣе своихъ взоровъ на меня: они меня разяшъ —

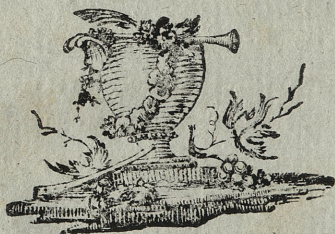
Едва выговорила сіи слова, вдругъ услышала, что нѣкто кричитъ буйно у дверей. Съ шрепетомъ бросилась на руки Эсекса, и покрыла голову свою его полою. Входъ его еще усугубилъ мой страхъ, что едва не побѣжала звать въ помощь Савогардію, но Эсексъ отшолкнувъ меня, защищалъ лѣвою рукою, а правою испоргъ его шпагу; увидѣла, что это былъ Арлингтонъ; я вскричала и въ безпамятствѣ бросилась посреди ихъ. Тогда мужъ мой ранилъ меня въ плечо; теченіе крови моей меня такъ испужало, что

144 Подзем. или Матильда.

я думала послѣднее мое издыханіе. А какъ Эсексъ былъ искуснѣе его, то обезоруживъ Арлингтона, и выгнавъ вонъ. Разсмащивалъ меня, державъ въ рукахъ обѣ шпаги. Въ сію минуту Милордъ и Миладія Пемброкъ вошли со Арлингтономъ, и меня ослабѣвшую съ истеченія крови въ обморокъ, взяли на свои руки.

К О Н Е Ц Ъ

второго Тома.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

32203-0

Кл: 40348

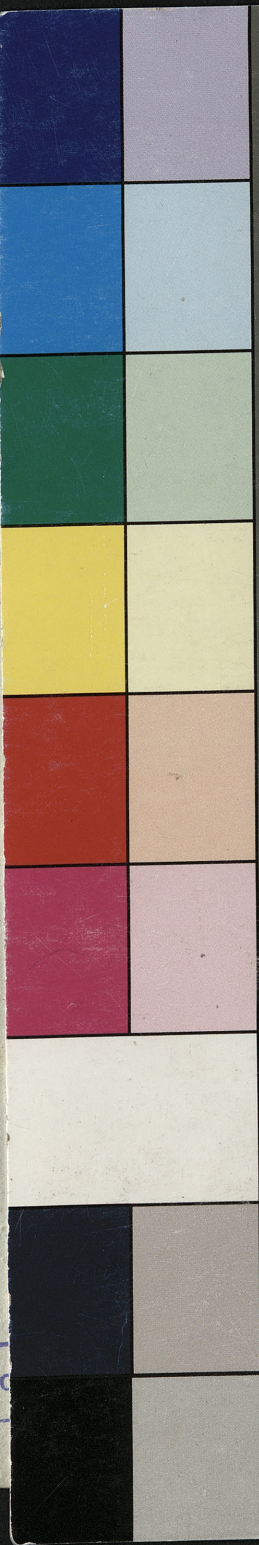
іе. А
по
вонѢ.
ру-
Ми-
ли со
стѢ
ли на

Inches 1 2 3 4 5 6 7 8
Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Centimetres

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

14
я
ка
обе
Раз
ка
ло
Ар
исп
сво

10

DANES
PICTA
COM